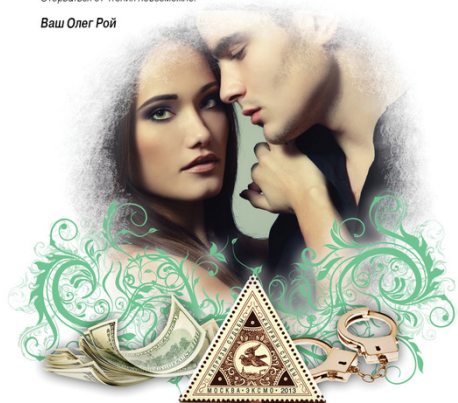

Георгий Ланской

Фортуна – дама капризная. Сегодня грязь – завтра князь, сегодня пан – завтра пропал.
Именно об этом романы талантливого писателя и журналиста Георгия Ланского.
Оторваться от чтения невозможно!

Ваш Олег Рой

РАССЛАБЬСЯ,
КРОШКА!

Георгий Александрович Ланской

Расслабься, крошка!

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6888560
Расслабься, крошка!: Эксмо; М.; 2014
ISBN 978-5-699-69407-5

Аннотация

Когда обстоятельства сильнее тебя, остается только расслабиться и... получать удовольствие, если, конечно, сможешь. Егору, успешному шоумену, ведущему популярных программ, казалось, что все наладилось: кроме профессионального успеха, у него в порядке личная жизнь – есть любимая жена, ожидается появление долгожданного ребенка. Но ветер судьбы переменчив. В стабильный, такой уютный мир вторгается реальная опасность. И как же тут расслабиться?..

Георгий Ланской

Расслабься, крошка!

Все события этой книги вымышлены. Любое сходство с реальными людьми и ситуациями не более, чем совпадение.

За окном не было ничего интересного.

День как день, дождливый, сумрачный.

Не повезло в этом году с июнем, и тут, увы, ничего не поделаешь. И, что самое неприятное, уехать сейчас куда-нибудь на юг – пусть даже в привычную, набившую оскомину Турцию – совершенно невозможно, хотя к морю хотелось. А еще хотелось солнца, которого ждали почти девять месяцев, апельсинов и сладкого ничегонеделания.

Антон отхлебнул из бокала безалкогольный мохито и со значением поглядел на девушку напротив. Она смутилась и без особой нужды стала передвигать на столе предметы.

– Что вы спросили? – осведомился он.

– Я хотела узнать: каковы ваши творческие планы? – повторила она и даже покосилась на свой крохотный диктофон, на дисплее которого от каждого звука дергались черные колонны-червячки. Антон удержался от ухмылки и строго переспросил:

– Что вы имеете в виду под творческими планами?

Девушка смутилась и не сразу нашлась, что ответить. Сразу видно, к интервью она не готовилась, иначе спросила бы что-то более конкретное. Антон сделал еще один глоток и нетерпеливо побарабанил пальцами по столу.

Тоска смертная.

Года три назад еще никому не известный актер Антон Черницын благодарил бы бога за каждую дуру, готовую взять у него интервью, вот только желающих не было. Да и откуда им было взяться? Это потом он понял: если тебя вот так абстрактно спрашивают о творческих планах, значит, к интервью журналист не готов и ждет, когда ты сам бросишь ему спасательный круг.

Внимательно оглядев журналистку, Антон решил, что спасения она не дожидается.

Подъезжая к модному кафе на своей «Тойоте», Антон сразу увидел скачущую под прозрачным зонтом девушку и подумал, что это наверняка по его душу. Заведение было клубным, абы кого туда не пускали. На выкрашенных ядовито-розовой краской стенах висели картинки из старых советских мультфильмов, а еще дизайнер намалевал повсюду разноцветные кляксы, посчитав, что они придадут заведению особый шик. Попадая туда впервые, публика недоумевала и косилась на неряшливые пятна, потом привыкала и даже не задавала обслуживающему персоналу резонный вопрос: в здравом ли уме был хозяин, если разрешил такое безобразие?

Увидев, как девушка ринулась к машине, Антон убедился, что именно с этой промокшей крысой ему и предстоит беседовать. Он пару секунд смотрел на нее сквозь мокрое стекло и с сожалением думал: опять не повезло. Молода, скорее всего, не слишком опытна, будет мямлить и тянуть время. Антон предпочитал прожженных акул пера, в мятых штанах и растянутых свитерах с большим воротом, экзальтированных, обожающих своих кумиров. К сожалению, таких становилось все меньше и меньше. Подростающая поросль была удручающе безграмотна, ленива, а общение с ними зачастую сводилось к лентам соцсетей и блогов. Антон вздохнул и, прежде чем открыть дверь и храбро шагнуть под ливень, еще раз оглядел журналистку.

Смотреть особо было не на что. Не акула. Гуппи скорее или еще какая невзрачная корюшка. Худющая, с высокими скулами, слипшимися от дождя волосами, которые она безуспешно пыталась уложить поприличнее. Черные джинсы уляпаны грязью, видно, долго

шла от метро пешком. Да и название газеты, в которой она работала, как-то не впечатлило. Антон, разбуженный с утра, даже толком не разобрал его, что-то вроде «Вести Бибирево» или еще какая-то глупость.

Подумать только, что раньше ради интервью он бы сам пол-Москвы прошел пешком! Да что там прошел, пробежал и радовался бы, что хоть кто-то заметил. Если бы не сегодняшние пробы на «Мосфильме», ни за что не выбрался бы из дома в такой дождь...

Самой журналистке внутри явно понравилось. Она жадно оглядывалась по сторонам, а в ее маленьких глазках вспыхивала самая настоящая алчность, когда она натыкалась на очередного медийного персонажа. Казалось, она едва сдерживается, чтобы не бросить Антона и не подбежать к звездам кино и эстрады. Антон хмыкнул: сегодня еще погода подкачала, оттого посетителей немного, в иные дни тут не протолкнешься.

– Я хотела узнать, где вы сейчас снимаетесь, – сконфузилась опомнившаяся журналистка и даже вроде слегка покраснела. – Говорят, что вы скатились в сериалы и в большое кино вас не зовут...

– Это не совсем так, – возразил Антон. – Прежде всего, что за пренебрежительное отношение к сериалам? Между прочим, работать в них куда сложнее, чем в полнометражных фильмах. Вы представьте, как сложно не просто создать необходимый образ, но и выносить его в течение нескольких сезонов, не опустив планку. Иногда этот образ становится настолько ярким, что актеры превращаются в заложников именно сериальных ролей. Вспомните, к примеру, актрису Елену Дьякову. В тридцать лет она сыграла проститутку, и эта роль приклеилась к ней намертво. И только роль майора милиции в известном сериале перечеркнула не самый, надо признать, приятный образ...

Антон сделал паузу, допил свой мохито и покосился на журналистку. Та благоговейно внимала.

– Что касается моих ролей в большом кино, то, разумеется, хочется отметить блокбастер «Зона-76», в котором снялись потрясающие актеры, – продолжил Антон. – Сама работа над этим фильмом принесла мне огромное удовлетворение и незабываемый опыт...

– Но в прокате этот фильм провалился, не так ли? – едко уточнила девушка и слегка улыбнулась тонкими губами.

– Не то чтобы провалился, – уклончиво сказал Антон. – К счастью, рынок кино не стоит на месте, и, хотя пираты не дремлют, фильмы все же идут в кинотеатрах, а продюсеры получают внушительную прибыль. «Зона» оказалась в аутсайдерах по причине неграмотного менеджмента, вот и все. А фильм хороший.

Журналистка интенсивно закивала, подтверждая его слова.

– Ну а сейчас? – с жадным любопытством осведомилась она. – Сейчас вы снимаетесь в блокбастерах?

– Буквально сегодня я был на кинопробах у режиссера Альмухамедова, – вальяжно произнес Антон. – Тимур собирается снимать новогоднюю комедию. Сейчас у нас стадия переговоров, читка сценария ну и... всякое такое... Так что – я думаю...

Антон на миг смутился и на всякий случай заглянул в свой бокал, не осталось ли там мохито, но на дне в лужице воды грустно плавали лишь подтаявшие льдинки. Он поднял руку, подзывая официанта. Журналистка пила кофе, и Антон даже подумал – не заказать ли ей вторую чашку? Хотя... в этом клубе все невероятно дорого. Раз уж выдернула его под дождь да еще задает неудобные вопросы, пусть сама и рассчитывается.

Информировать девушку, что пробы у режиссера Альмухамедова, которого Антон панибратски называл Тимуром, прошли не блестяще, он не стал. В конце концов, пробы еще никого ни к чему не обязывают. А сняться у Альмухамедова мечтали даже звезды Голливуда, не только наши. Так что предложение прийти к нему хотя бы на пробы заметно повы-

шало статус Антона в его собственных глазах. Журналистка же вообще должна была упасть в обморок от восторга.

Она почему-то в обморок не упала и вроде бы даже не прониклась. Вместо этого девица ехидно поинтересовалась:

– Насколько мне известно, Альмухамедов уже утвердил на главную роль Егора Черского. Как вы к этому относитесь?

Официант шел так медленно, что Антону захотелось встать и дать ему пинка под тощий зад. Получив свой мохито, Антон жадно отпил половину и лишь потом с деланным равнодушием спросил:

– А я должен относиться к этому как-то по-особенному?

– Ну как же, – усмехнулась девица. – Во-первых, Черский все-таки не актер, а лишь телеведущий без особого киношного опыта. А во-вторых... Вы ведь в свое время у него девушку увели, не так ли?

Вот паршивка!

– Не уверен, что Черский уже утвержден на роль, – быстро сказал Антон, а потом, спохватившись, добавил: – То есть мне об этом ничего не известно. Режиссеры сами выбирают актеров. Если Черский так приглянулся Тимуру, это его выбор. Но, как вы верно заметили, у Егора нет киношного опыта, так что...

Речь в его устах выглядела достаточно жалко, потому Антон стушевался и мрачно уставился в окно, где с хмурого неба лил проливной дождь.

– В каких вы отношениях с Черским после того, как его девушка ушла к вам?

– Никто ни от кого не уходил, – холодно сказал Антон.

– Но как же...

– Так же. Это давняя история, выдуманная прессой. С Егором мы в прекрасных отношениях. Недавно я участвовал в его телешоу. Мы перезваниваемся и часто видимся. Так и запишите.

– С бывшей женой, актрисой Голубевой, вы тоже часто видитесь?

Это было уже перебором. Допив мохито залпом, Антон резко встал, бросил на столик пару купюр и, не попрощавшись, направился к выходу.

Хорошо, что не стал за нее платить!

Настроение, и без того не блестящее, после встречи с журналисткой испортилось окончательно. Казалось, после почти двух лет закалки должен был удержаться от раздражения, и вот... не удержался. Антон зло сощурился и с такой силой вдавил педаль газа в пол, что из-под колес полетели жидкие комья грязи.

Какое-то время Антон просто мчался по шоссе, а потом, немного придя в себя, стал размышлять, куда это он, собственно, так торопится. По всему выходило, что торопиться некуда. Можно, конечно, заехать к паре приятелей, ввинтиться в их вечные посиделки, выпить, послушать байки и самому рассказать что-нибудь залихватское, но, честно говоря, душа к этому не лежала. Многие с высунутыми языками бежали на кастинг к Альмухамедову, видели там Антона. И под водочку непременно спросят, как все прошло. И что им ответить?

Режиссер Тимур Альмухамедов пробы проводил сам и выглядел совершенно не пафосно по сравнению с лоснящимся царем всего кинематографа Михаилом Никитиным или пафосным Федором Бурдуковым, которые в своих фильмах до начинающих актеров почти не опускались. Чтобы понравиться им, недостаточно было просто хорошо играть. Требовалось упасть ниц, облобызать пятки, имея при этом в анамнезе как минимум титул заслуженного артиста. В идеале требовалось еще и переспать, правда, добраться до тела великих и ужасных было куда сложнее. Бурдуков трепетно оберегал знамя первейшего мачо всех времен, изменял жене направо и налево, менял любовниц как перчатки, но при этом умудрялся

оставаться со всеми в прекрасных отношениях. Никитин налево ходил осторожно, однако его покой оберегался куда тщательнее, поскольку на страже стояли два народных артиста, коих Михаил Сергеевич подобрал в пролетарской молодости, пестовал и снимал почти в каждом фильме. За своего покровителя актеры готовы были глотку перегрызть кому угодно, не забывая одаривать божество в постели.

Спать с Никитиным даже за главную роль Антону было противно, а уж за эпизод тем более. Понравиться Бурдукову вовсе не было шансов. Чем брать режиссера из Казахстана, успевшего прославиться кассовыми фильмами на родине и за рубежом, Антон не знал, оттого и трусил, как дебютант.

По сравнению с элитой отечественного кинематографа Альмухамедов выглядел достаточно скромно: в старых джинсах, растянутом свитерке и кедах. Антону даже померещилась дырка на локте. Он долго шурился, но с сожалением констатировал: показалось!

В павильоне было прохладно, как и во многих других мосфильмовских помещениях. Почти все актеры об этом прекрасно знали, называли их казематами и моргом и одеваться на пробы старались потеплее. Персонал вечно чихал и беспрестанно вытирал сопливые носы платками. Из коридоров несло сквозняками, а осенью сырость была такая, что не спасали ни обогреватели, ни палящие прожектора, иной раз нагревавшие воздух до пятидесяти градусов.

– Вы вот отсюда почитайте, – сказал Тимур, сунув Антону сценарий. – Роль такая: вы – инженер, часто в командировках, в самолете знакомитесь с женщиной и начинаете подозревать его в адюльтере с вашей супругой... Сейчас мы вам подберем кого-нибудь в пару... Егор! Егор! Иди сюда!

Увидев приближающегося Черского, Антон стиснул зубы. Вот уж кого он не хотел бы видеть в напарниках...

С Егором его действительно связывала давняя история, в которой Антон себя повел самым некрасивым образом. И тогда и сейчас он не чувствовал себя виноватым, но встречаться с Черским на телевизионных проектах ему было неприятно. Это были мимолетные встречи, длившиеся максимум один съемочный день, когда под светом прожекторов было некогда сосредотачиваться на взаимной нелюбви, разъедающей душу щелочью. Сейчас же, в случае удачи, Антону с Егором пришлось бы сниматься как минимум несколько месяцев, а Черский не из тех, кто прощает и забывает. Антон сглотнул и уставился на него: забыл или нет?

Судя по отвалившейся челюсти Егора, встречи тот явно не ожидал, а потом в его темных глазах мелькнуло нечто, позволившее понять – не забыл и тем более не простил.

– Знакомьтесь, – любезно предложил Тимур. – Или вы уже?

– Уже, – кивнул Егор и даже руку протянул. Антон вяло пожал ее, наблюдая за проскользнувшей на губах некогда близкого друга гадючьей улыбочкой.

– Ну и славно, – кивнул Тимур. – Давайте тогда, как планировали... Егор, ты за себя, а Антон попробует за твоего товарища по несчастью.

Егор и Антон уселись на кособокие стульчики, настоящий мосфильмовский раритет, держа в руках стопочку листов. Антон ерзал на месте, косясь в сторону Альмухамедова. Сидеть было неудобно. Мало того что сиденье стула не представляло собой монолита с остальной конструкцией, так еще где-то под сукном чувствовалось что-то острое, вроде гвоздя. Егор, судя по всему, никакого дискомфорта не чувствовал, сидел как в салоне, скрестив длинные ноги.

– Начинайте, – скомандовал Альмухамедов, хлопнул в ладоши и уселся на такой же стульчик, скрестив на груди руки. Операторы привычно наехали на актеров камерами и уставились в мониторы. Антону был хорошо виден только один: тощий, высокий, в линялой

бейсболке, надетой задом наперед. Непривычным было все, включая сразу двух операторов. Обычно на пробах снимали с одной камеры, но у Тимура, как видно, была своя методика.

– С чего ты взял, что она обязана тебя ждать? – с вежливым равнодушием спросил Егор. – Она ведь живая женщина, ей хочется жить, любить, чувствовать, а ты постоянно в разъездах. Может быть, этот мужчина даст ей то, чего не дал ты.

– А чего я ей не дал? – с яростью, самому себе показавшейся наигранной, ответил Антон, заглянув в сценарий. – Это же все для нас, для двоих. Думаешь, мне так хочется мотаться хрен знает куда? Но ведь надо деньги зарабатывать! Это жизнь!

– Может быть, ей не нужна такая жизнь? – спросил Егор, и в его голосе вдруг прозвучала горечь, не киношная, с подлинной надорванной интонацией. – Может быть, ей просто тепла хотелось?

Антон, уловивший ноты голоса того, прежнего Егора, с которым было так хорошо дружить, поперхнулся, закашлялся и, взяв неверную интонацию, проблеял:

– Все это глупости. Место женщины – у плиты. Ну, или у окошка, чтобы ждать мужа-добытчика.

Альмухамедов поморщился. Антон, почуяв неладное, зачастил, потом сбился, скомкав окончание фразы в непроизносимый узел звуков. Егор сохранял ледяное спокойствие.

Когда сцена была дочитана, Тимур встал с места.

– Егор, спасибо, как и в прошлый раз, бесподобно. Зря ты на телевидении прозябаешь, тебе сниматься надо. Зафиксируй эти интонации, мне очень понравилось. Антон, теперь с вами... Как у вас с физической формой? Спортом увлекаетесь?

– Ну... Штангу тягаю, – уклончиво ответил Антон, покраснев. В спортзале он не был уже полгода и сам знал, что начинает расплываться. Но пара месяцев жесткого режима, диеты – и он снова будет в хорошей форме. – А что надо сделать?

– По сценарию, ваш герой должен немного покувыркаться. Сможете?

– В каком смысле – покувыркаться? Как колобок?

– Нет, не так, конечно, – рассмеялся Тимур. – Простецкое сальто. Ну, скажем, через вот этот стул. Я, знаете ли, достоверность люблю, простые номера у меня актеры сами делают. Вот, недавно Миллу Йовович пробовал на главную роль, вы себе не представляете, на что способна эта девочка! Я просто восхищаюсь. Половину трюков делает сама, у нас большинство актеров на это не способны, а уж про актрис я вообще молчу...

Сравнение с голливудской красоткой Антону не понравилось, тем более что в снисходительном тоне Альмухамедова слышалась такая уверенность, что Антон ни на что не годен и сейчас просто уйдет, понуро опустив голову, а значит, и связываться с ним изначально не стоило... Антон пожал плечами и снял пиджак, оставшись в рубашке. Альмухамедов смотрел насмешливо, Егор – с непонятной гримасой, которая могла означать все, что угодно. Лиц операторов не было видно.

Роль у Альмухамедова была нужна Антону как воздух.

Сказать, что его карьера совершенно не складывалась, было нельзя. Вон сколько актеров в лучшем случае играют подставных свидетелей в заполонивших все каналы судебных шоу, а в худшем – и вовсе сидят без работы. Им за счастье даже в эпизоде сняться, не то что в сериале. Антону в этом отношении везло. В сериалы его приглашали постоянно, правда, роли были однобокие: красавец, борющийся за свою любимую. И, что самое обидное, ни один из сериалов не стал рейтинговым. Так, «мыло» для домохозяек. Вялая страсть, фальшивая любовь, глицериновые слезы. Актеры, по примеру своих мексиканских коллег, дружно теряли память, детей, отлеживались в коме пятьдесят серий, кончали жизнь самоубийством и находили любовь всей жизни в глухой деревне, где даже столетние бабки почему-то ходили с маникюром. Не работа, а тоска. А тут шанс...

Альмухамедов, с его хитрым восточным прищуром, толстыми щеками и мохнатым свитерком походил на сытого кота, зорко наблюдавшего за неосторожной мышью. Антон, вспотевший от стараний, чувствовал себя то этой самой мышью, то провинившимся школяром, которого вызвали к доске и вот-вот оттащат за ухо. От этого прищура, а еще от страха Антону захотелось, чтобы все уже закончилось, а режиссер вкупе с Черским убирались к черту.

– Тимурчик, я опоздала, прости старую дуру...

Антон, который уже хотел разбежаться, остановился, услышав вопль из глубины темного коридора. К Альмухамедову семенила грузная фигура, размахивая руками, словно подающий сигналы матрос. Антон вздохнул. Встреча с бывшей женой в его планы точно не входила.

– Прости, прости, совсем забыла, – оправдывалась Мария Голубева, вкусно чмокнув Тимура в обе щеки. – Спектакль затянулся, дважды на бис вызывали, голова кругом... Здравствуй, Егор.

– Здравствуй, Маша.

Черский тоже подошел поцеловаться, после чего стрельнул глазами в сторону Антона. Змеиная ухмылочка вновь исказила его лицо. Голубева обернулась.

– Фу-ты ну-ты, какие люди и без охраны, – пробасила она. – Антоша, какими судьбами?

Антон кивнул, но подходить не стал.

– Маша, я же вчера просил своих бандерлогов передать, чтобы ты не дергалась, – сказал Тимур. – Роль твоя, у меня даже сомнений никаких не было. Не позвонили, что ли?

– Да телефон куда-то засунула, найти не могу, – рассеянно ответила Мария, искоса наблюдая за Антоном. – А чего тут у нас?

– Да, Антон, вы можете уже попробовать, – спохватился Тимур.

Антон разбежался и прыгнул. В тот момент, когда он, держась руками за спинку стула, задрал ноги кверху, Голубева оглушительно чихнула. Этот пушечный звук напугал Антона, и тот, не удержавшись на ногах, рухнул на пол, скривившись от боли.

– Шапито на выезде, – веско прокомментировала Мария. – Тимур, хочешь плюшечку?

– Плюшечку?

– Ага, плюшечку. Вкусную, сама пекла.

– Можно, – милостиво кивнул Тимур. – Сейчас чайку попьем, а то у меня еще три кандидата на сегодня... Да, Антон, спасибо, мы вам перезвоним.

– Егор, хочешь плюшечку?

От плюшечки Черский отказался и, убедившись, что больше не нужен, направился к выходу. Антон последовал за ним.

Наверное, следовало поговорить. Это он чувствовал просто нутром. В конце концов, проступок его был не так уж ужасен, учитывая, что камень преткновения, художница Алла, исчезла из жизни обоих. Встречаться все равно придется, так что закопать топор войны куда проще, чем каждый раз сдерживаться от желания выпиться друг другу в глотки. Впрочем, это были скорее порывы Егора. Сам Антон ничего подобного не ощущал.

– Егор, подожди!

Черский шел впереди по гулкому коридору, в котором эхо отскакивало от стен, словно теннисные мячи, но даже с шага не сбился. Антон остановился, зло чертыхнулся и полез в карман за сигаретами.

Сигарет не было. Более того, не было даже кармана. Антон вспомнил, что снял пиджак и оставил его там, в павильоне. Развернувшись, он направился обратно.

Из крохотного кабинета доносился тяжелый бас Голубевой, хохотавшей над чем-то забавным. Альмухамедов хихикал. Судя по всему, их беседа была весьма увлекательной.

– Кстати, зачем тебе этот циркач недоделанный? – осведомилась Мария. – Бери Черского, не ошибешься. Талантливый парень.

– Я и так его беру, – ответил Тимур. – Жаль даже, что не актер.

– Ай, да брось, – фыркнула Мария. – Кто сейчас актер? Нет уже зубров и мамонтов, мелочь одна осталась. Скоро все динозавры вымрут. Куда ни плюнь, красотки и красавцы, а характер кто играть будет? У Черского в этом отношении ничуть не хуже экстерьер. И опыт опять же. Он перед камерами каждый день, импровизирует – будь здоров, и с реакцией все в порядке. Не то что этот клоун.

Антон затрясло от бешенства.

– Маш, – вкрадчиво произнес Тимур. – Но ведь ты почему-то в свое время его выбрала? Голубева захохотала так, что дверь затряслась.

– Тима, рыбка моя, то, за что я его выбрала, тебе не пригодится. Ты же не порнушку снимаешь. Этот стервец только в койке хорош, а как актер – полное ничтожество. Я бы ему и «кушать подано» не доверила, не то что характерную роль. Ты вот комедию снимаешь, а из него комедиант, как из говна, пардон за французский, пуля. Даром что фотокарточка красивая.

– Мне и самому он не слишком нравится, – вздохнул Тимур. – Думаешь, не стоит брать?

– Не то что думаю, уверена! – решительно произнесла Мария. – И с Егором у него трения, точно передерутся. Тебе нужны свары на площадке?

– Ну, если ты так уверена, – с сомнением протянул Тимур. – Ладно, время терпит, посмотрю других. Но ты права. Два красавца в кадре мне не нужны. Второго надо посерьезнее, попроще. Мужичка такого, в треухе.

– А я что говорю? – рассмеялась Мария. – А этого гони. Помнишь, как в том фильме? «Циркач не нужен!»

Сжимая кулаки от злости, Антон вернулся в павильон, забрал пиджак и вышел на улицу с твердой уверенностью, что сниматься в новом фильме Альмухамедова ему не придется.

Антон приехал домой совершенно разбитый. Ехидный голос журналистки до сих пор звучал в ушах. Он уже представлял, в каком виде выйдет эта статья: «Антон Черницын до сих пор страдает по бывшей жене». Или того хлеще: «Мсть обманутого друга. В отместку за отобранную невесту Егор Черский отобрал у Антона Черницына главную роль!» Газеты любят броские заголовки, а эта пронырливая репортерша с крысиными глазками уже наверняка все знала о его провале у Альмухамедова. Надо же было согласиться на это дурацкое интервью...

Первым делом Антон проверил автоответчик. Конечно, со студии ему могли и на мобильный позвонить, но вдруг на сей раз было не так?! Вдруг знаменитый режиссер велел связаться с Антоном, а его помощники потеряли номер? Ведь не дозвонились же они Голубевой!

На автоответчике мигала цифра шесть. Антон поймал в зеркале собственный взгляд, горящий лихорадочной надеждой, затем придал себе скучающий вид и с деланным равнодушием ткнул черную кнопку. Конечно, ему не позвонят, но он и не расстроится, делов-то? На его долю фильмов хватит...

Первые три сообщения ничего полезного не несли. На двух с придыханием объяснялась в любви чудом добывшая его номер фанатка. Стихи, которые она декламировала, в одно сообщение не уместились, потому договаривала она его уже на втором, сбиваясь и торопясь. На третьем какой-то невежливый мужчина просил сдать на студию случайно унесенный пиджак.

«Здравствуйте, господин Черницын, – вежливо поприветствовал его мягкий женский голос. – Ваша кандидатура была рассмотрена режиссером. Пожалуйста, перезвоните нам, как только сможете...»

Йи-иха!

Он запрыгал по комнате, перевернул стол, споткнулся о дурацкого плюшевого крокодила, всученного ему на детской передаче, и которого он подкладывал под голову, когда валялся на диване, усталый и сонный. Пнув игрушку, Антон проскакал к балкону, открыл дверь настежь и с удовольствием вдохнул влажный московский воздух. Надо же! Все-таки свершилось, все-таки его выбрали, несмотря на происки Марии и неприязнь Черского!

На мгновение ему даже показалось, что стальной колпак комковатых туч, висевших прямо над головой, посветлел и даже порвался, пропуская солнце. Высунув руку на улицу, Антон поймал несколько дождевых капель и с удовольствием вытер мокрой ладонью лицо. Этот жест показался ему невероятно естественным. Он даже подумал, что где-нибудь использует его. От радости живот свело, а сердце затрепетало сильно-сильно, совсем как в детстве.

Съемки у Альмухамедова – это успех. Тимур предпочитает работать с проверенными актерами, стало быть, в следующий фильм его, Антона, пригласят стопроцентно... Ну не стопроцентно, но очень даже вероятно, и без всяких проб. Да и деньги будут совсем другие. Вот, скажем, актера Костю Долинского Тимур очень любил, звал в каждый проект, включая голливудские, и тот моментально стал звездой номер один, получая миллионы.

А ведь учился вместе с Антоном, правда, двумя курсами старше...

Подумав, какие деньжищи посыплются на него после съемок, Антон даже зажмурился от удовольствия.

В конце концов, чем он хуже Долинского? Ничем. Тоже хочется и по Европе поездить, и особнячок в Испании прикупить, и по ковровой дорожке в Каннах прогуляться, скалясь перед камерами фотографов, а еще... да мало ли? Квартиру вон купить, сколько можно жить в съемной? Машину поменять, например на «Майбах».

Не раскрывая глаз, Антон сладко потянулся. Ему захотелось какого-то веселого безумства. Например, сгонять в парк аттракционов и с воплем прокатиться на американских горках, снять какую-нибудь легкомысленную девицу лет восемнадцати, с длинными светлыми волосами, которая бы понятия не имела, кто он такой, ела мороженое и радовалась, что парень, которому вот-вот стукнет тридцать, проводит с ней время и выполняет любой каприз.

Ему не хватило терпения и выдержки, чтобы успокоиться, придать голосу необходимые чарующие модуляции, безотказно действующие на всех особ женского пола. Нервно ткнув кнопку, он еще раз прослушал сообщение, убедившись, что ему не померещилось, а потом набрал оставленный номер, сбившись всего лишь дважды.

– Слушаю, – отозвался тот же женский голос, но теперь он звучал с бесконечной усталостью. Антон мельком глянул на часы: шесть вечера, скоро конец рабочего дня.

– Добрый вечер. Это Черницын, – торопливо сказал он. – Вы мне звонили...

– А, здравствуйте, Антон, – ответила женщина. – Вы у меня последний, кто не отзвонился. Могу вас обрадовать: роль ваша. Пробы отличные, так что завтра, будьте добры, на примерку. К десяти, и, пожалуйста, не опаздывайте.

– Не опоздаю, – горячо сказал Антон. – Я слышал, что Тимур Равильевич очень строг с актерами. Так что буду как штык.

В трубке зависло недоуменное молчание.

– А кто такой Тимур Равильевич? – поинтересовалась женщина.

– Как это – кто? – рассмеялся Антон. – Режиссер, естественно.

– Режиссер? Чей?

– О господи, да ваш, конечно! В смысле – наш.

Женщина вновь помолчала, а потом осторожно произнесла:

– Антон, вы, наверное, что-то путаете.

– Ничего я не путаю, – рассердился он. – Или я, по-вашему, не знаю, как зовут Альмухамедова?

– Кого-кого?

Антон подавил желание наорать на женщину и холодно пояснил:

– Тимура Равильевича Альмухамедова. Режиссера. Надеюсь, вы знаете, кто это такой? Собеседница на том конце провода неожиданно развеселилась.

– Я-то знаю, – сообщила она и, кажется, даже хихикнула. – Что я, тундра неогороженная? Только при чем тут мы?

Антон похолодел.

– А вы разве не от него?

– Разумеется, нет. Я от Гарсон-Хинкевича. Ну? Вспомнили?

Антон простонал. Еще два месяца назад он был на пробах в историческую многосерийную мелодраму. Режиссер Олег Гарсон-Хинкевич замыслил нечто грандиозное. Сериал из жизни российских царедворцев по своему масштабу должен был затмить самые дорогие проекты прошлых лет, поскольку снимать собирались на натуре подлинных памятников архитектуры. Среди них оказались не только знаменитый Исаакиевский собор, Юсуповский дворец и Эрмитаж, но и французские замки на Луаре. Поначалу Антон едва ли не ежедневно справлялся о результате своих проб, но потом страсти улеглись, да и проект неожиданно забуксовал на месте. Потом Антон вообще позабыл о пробах, переключившись на проект Альмухамедова. Сейчас же съемки в тридцати двух сериях, за которые, между прочим, обещали хорошие деньги, показались ему каторгой.

Продлится эта бодяга минимум полтора года, и не факт, что сериал станет мегапопулярным, мрачно размышлял Антон. В последнее время проекты Гарсон-Хинкевича проваливались с завидным постоянством, но, похоже, его это нисколько не волновало. Сняв тридцать лет назад вполне успешный и любимый зрителями фильм, режиссер до сих пор плыл на волне старого успеха.

– Алло, Антон, вы там не уснули? – медовым голосом осведомилась женщина. Антон хотел ответить, но горло свело спазмом.

– Нет, – сказал он, откашлявшись. – Я здесь.

– Значит, завтра вы будете?

– Я же сказал – как штык, – резко ответил он, но женщина не смутилась. Видимо, привыкла к выбрыкам актеров.

– Ну и чудно, – подытожила она. – Значит, завтра к десяти мы вас ждем. Адрес помните?

Он заверил, что помнит, и положил трубку. Два оставшихся сообщения Антон прослушал без всякой надежды, и, разумеется, от Альмухамедова никаких сообщений так и не поступило.

На следующий день, после примерки костюмов и обязательной по этому случаю фотосессии, Антон решил поехать куда-нибудь пообедать.

В кружевных воротничках эпохи псевдо-Ренессанса скопилась пыль, на которую у него была аллергия. Антон мужественно терпел, стараясь не чесаться, пока наконец не расчихался. Сорвав пропахший нафталином костюм, он обнаружил, что шея покрыта красными волдырями.

– Хорошенькое дело, – возмутился Антон и гневно посмотрел на костюмершу. – Вы что, перед примеркой вычистить костюмы не могли?

Костюмерша смотрела на него глупыми совиными глазами и не отвечала. Вид у нее был какой-то отмороженный, что, впрочем, и неудивительно. В костюмерной было холодно. Женщина куталась в пуховую кофту, да еще и шалью подпоясалась. Узел лохматого серого полотнища сбился набок, придавая костюмерше вид продавщицы сельского лабаза. Антон посмотрел на нее с раздражением:

– У вас супрастин есть?

– Чего?

– Ничего, – махнул он рукой и вышел.

Какой супрастин, когда эта баба, похоже, родилась прямо тут, в пыльной костюмерной вместе с вековой молью! И, вполне вероятно, с этой молью даже состояла в родстве, поскольку по этому лицу, написанному старой акварелью, невозможно было угадать возраст.

На улице Антон задышал полной грудью. Царапающая дурнота, поселившаяся в горле, наконец отступила. Антон аккуратно потер красную шею и пошел к машине, намереваясь порадовать себя обедом. Утром он выскочил из дома так рано, что не успел позавтракать, и даже кофе пришлось пить на ходу, из бумажного стаканчика, подрулив к «Макдоналдсу». Коробочка с гамбургером, кстати, так и осталась лежать на сиденье, потому что съесть его Антон не успел, а сейчас мысль о булке с котлетой вовсе не казалась ему привлекательной. Супчику бы похлебать! Домашнего!

При мысли о супе у Антона заурчало в животе. Он вспомнил времена своего недолгого брака с Марией. Голубева была знатной кулинаркой и супы варила отменные, с островками жира, сочными кусками мяса и тонко порезанной картошечкой. Такой солянки, как у нее, Антон не ел больше нигде. Сам он готовить не любил, предпочитая немудреные блюда, а уж сварить суп было подвигом. Нет, пару раз он готовил какую-то жижу, но потом, скривившись, выливал содержимое в унитаз. Вот и сейчас Антону захотелось не в ресторан, а домой, на родную кухню, и чтобы кто-нибудь хлопотал вокруг, подавал суп и нарезанный треугольниками хлеб, а он неторопливо рассказывал, как прошли пробы, и ныл, как несчастен, поскольку роль у Альмухамедова досталась не ему.

За пробы в сериале Антон даже не волновался. И хотя он понимал, что съемки залатают все дыры в его бюджете, ему было все равно, утвердят его на роль или откажут. Работы, о которой мечтал, ему все равно не досталось, а сериал... что сериал? Рутинка. Ничего интересного. Ну, костюмированный, с прославленным режиссером... Что с того? Это только наивные дураки и дурехи считают, что актер на каждую съемку приходит как на праздник, трепыхаясь от волнения, раздумывая: как вжиться в роль? Антон ни в какие роли не вживался – и ничего, снимали, приглашали еще, деньги платили. Верно сказала Маша – времена динозавров прошли. Кому сейчас интересно понимать героя, прокачивать характер, примерять на себя его жизнь? И так сойдет. Вот, к примеру, его практически утвердили на роль, а мысли – только о тарелочке супа, и никаким Станиславским тут и не пахнет...

Подумав, Антон поехал в хорошо знакомый ресторан. Народ там собирался разншерстный, случалось встретить и артистов, и бизнесменов, и политиков. Однажды сам премьер изволил откусать там вместе со всей свитой в рамках очередного братания с народом. Народ, впрочем, этого не оценил и ответного жеста не сделал, поскольку цены в ресторане были неприлично высоки. Но в основном сюда действительно приходили поесть, а не блеснуть рылом на телекамеры. Несмотря на пафос, ресторан был довольно тихим, даже музыку тут играли нетипичную, не имеющую ничего общего с глянцевопопсой.

Войдя, Антон сразу же натолкнулся взглядом на старую знакомую. У окна сидела певица Рокси, смотрела на улицу и вяло ковыряла ложечкой тирамису. Вид у нее был совершенно несчастный.

Он не планировал подходить. Стушевавшись, Антон сделал шаг назад, налетел на официанта, чудом не уронившего поднос. Рокси повернулась и уставилась на него. Поколебав-

шись пару мгновений, она махнула рукой, мол, иди сюда. И он пошел, как баран, проклиная себя, потому что никогда не мог противиться ее невозможному гипнотическому взгляду.

– Привет, – тихо сказала она.

– Привет.

Под столом, чтобы она не видела, Антон стиснул кулаки так, что ногти впились в кожу, зато лицо осталось отчужденно-приветливым. В присутствии Рокси ему редко удавалось владеть собой. Он сразу начинал мямлить и краснеть, если судьба сводила их вместе. Рокси же на его корчи старалась не обращать внимания. У нее это получалось лучше, словно тех сумасшедших недель, когда они делили одну постель в убогой гостинице, не было. Тогда они снимались в одном фильме, и их скоротечный роман стоил Антону брака.

– Посидишь со мной? – просто спросила она, словно о чем-то само собой разумеющемся.

Антону припомнилось: они прилетают со съемок, и Рокси, отпихнув его в сторону, бежит к лысеющему мужчине с внушительным пузиком, изображая щенячий восторг. Потом было несколько месяцев тишины, а мертвые телефонные номера словно издевались над его отчаянием...

Тогда он действительно страдал, перечитывал Дюма, снова и снова сравнивал Рокси с роковой миледи, хотя внешне в них не было ничего общего, разве что под словами Атоса он был готов подписаться.

...Она не просто нравилась, она опьяняла...

Ему хотелось уйти, но вместо этого он послушно плюхнулся рядом. Официантка подсунула ему кожаную папочку и удалилась мягкой кошачьей походкой.

– Ты чего тут? – спросила Рокси.

– С примерки, – проямлил Антон. – Буду сниматься в историческом сериале.

– Да? А я слышала, ты вроде у Альмухамедова пробовался...

Антон опустил глаза и ничего не сказал, только губы сжал чуть сильнее, чем требовалось, но Рокси, кажется, не заметила.

– Я тоже туда пробовалась. Там есть небольшая роль гастролирующей певицы, но, увы, меня на кривом повороте обошла Вера Черненко. Жаль... Ты слышал, что Черского уже утвердили?

– Ты потому такая кислая? – усмехнулся Антон.

– Потому что Черского утвердили?

– Нет, потому что Вера тебя обскакала.

– Ах, это... – Рокси апатично махнула рукой. – Нет, совсем не поэтому. Просто... Бывают у меня приступы хандры, когда я начинаю молотить сладкое и думать: зачем я живу, для кого и так далее...

Антон пробежал глазами меню, заказал солянку и бифштекс. Рокси смотрела на него и грустно улыбалась, а в глазах, черных, как колодцы, плескалась тоска.

Антону вдруг стало тошно.

На что она, собственно, жалуется? Упакована с ног до головы. Успешна, талантлива, вон, ее песни из ротаций не вылезают. Да и любовников меняет как перчатки: сперва Антон, потом Егор. По слухам, их общий приятель, певец Димка Белов, тоже мял с ней простыни – и ничего, все сошло с рук. А у Антона развалился брак, да и последние серьезные отношения закончились неважно. Подруга оказалась порноактрисой и, как бы ни вульгарно звучало в этой ситуации, действительно кончила плохо, попав под нож маньяка. Говорят, сейчас она жила в родном Зажопинске, зализывала раны, а может, и вовсе померла – Антон не интересовался.

– Не боишься, что лысик твой тебя спалит? – зло спросил он. – Раньше же ты из дома только в дождь выходила, чтоб он, как пес, след не взял.

Рокси рассмеялась.

– Лысик мой, чтоб ты знал, теперь по мужской части весьма слаб, виагра и та еле действует, а я – женщина горячая. Потому мне теперь, Антоша, многое можно, лишь бы не ушла. А ведь я могу.

Улыбка на ее губах стала злорадной. Антон понял, что Рокси имеет в виду. В недавнем прошлом ее покровитель, узнав о тайном романе, выгнал строптивую певицу прочь и даже попытался раз и навсегда вытолкнуть ее из эфиров. Для него это кончилось сокрушительным провалом. Обретя поддержку в лице Егора, Рокси взлетела еще выше. Лысику пришлось поджать хвост и на коленях упрашивать ее вернуться.

– Да, ты можешь, – мрачно подтвердил Антон и уткнулся носом в тарелку.

Странное дело, но дрожь в коленях, сохранившаяся до этого момента, вдруг улетучилась, а с Рокси вдруг слетела та шелуха роковой женщины, которая, как кокон, сохраняла ее от внешних потрясений. Перед Антоном сидела женщина, довольно красивая, но совершенно заурядная, если приглядеться. Полчаса назад он пошел бы за ней на край света, а сейчас сама мысль вновь сделаться ее верным рабом казалась смешной.

Рокси, очевидно, почувствовала эту перемену в нем, потому моментально сменила тон.

– У тебя-то все хорошо? – участливо спросила она.

– Да.

– Точно?

– Точно.

Она покачала головой, макнула палец в чашку с остывшим чаем и нарисовала на столешнице кривобокое сердечко. Антон смотрел во все глаза.

– А я вот... что-то расклеилась, – печально сказала она. – Нет, в целом все хорошо. Работы полно, деньги есть, от предложений уже отбиваюсь, но как-то тоскливо мне, Антоша. Поговорить не с кем. Подруг у меня сроду не было, я с мужиками лучше язык находила, даже в детстве.

– Попугая заведи, – посоветовал Антон.

– Зачем?

– Будешь с ним разговаривать.

Он бросил на стол деньги и поднялся. Рокси схватила его за руку.

– Ну не уходи ты так! Пожалуйста. Посиди со мной немного, мне ведь, по сути, некуда... Лысик с семьей умотал отдыхать, я совсем одна, даже поплакаться некому.

– Оно тебе надо?

– Надо. Я – женщина, иногда я должна чувствовать себя слабой.

Колени снова затряслись. Антон уселся, чувствуя себя полным дураком, но в глубине души радовался этому, видя, как в темных глазах Рокси вспыхивает знакомый волчий огонь. И только на корке подсознания играл незатейливый мотивчик о темном графском пруде с лилиями, напеваемый угрюмым мушкетером.

На сей раз все произошло быстро и совершенно неинтересно.

Встреча состоялась на квартире Рокси, потому что тащить ее к себе Антон решительно не хотел. В районе, где он снимал квартиру, желтая «Феррари» Рокси смотрелась бы как торт на куче навоза. Она не возражала, повезла его к себе, приткнула машину у подъезда и, небрежно кивнув охраннику, размашистыми шагами направилась к дому. Антон шел следом с видом побитого пса. Несмотря на успешную карьеру, он так и не привык к роскоши, оттого дом Рокси вызвал у него легкую панику. Мраморный холл с высокими потолками и лепными колоннами давил на затылок.

В квартире они не стали тратить время даже на душ и сразу направились в постель. Антон – потому что слишком хотел ее, а Рокси – потому что чувствовала в этом некий налет пикантности, своеобразный дикий зов предков.

Оказалось, что они отвыкли друг от друга. За год с лишним Антон забыл, какая она на ощупь, забыл ее запах, отчего она казалась незнакомкой, которая волею случая могла им распоряжаться на свое усмотрение. И хотя тело работало как хорошо отлаженный механизм, Антон чувствовал себя довольно глупо.

После соития, которое не отважился бы назвать любовью, Антон бочком выскользнул из кровати и, прикрываясь комом одежды, вышел из спальни, сопровождаемым насмешливым взглядом. Торопливо одеваясь в прихожей, он не попадал в штанины и рукава, ожидая, что Рокси выйдет его проводить, но она даже не поднялась с постели.

Он ушел, а она осталась, красивая, непонятная, холодная женщина, такая близкая и такая чужая одновременно. И от этого хотелось быть или...

Или бежать. И как можно дальше.

Промаявшись в Москве неделю, Антон улетел в Киев, откуда актеров на автобусах вывезли на натуру, где намеревались снимать сериал. В автобусе, стареньком, с дребезжащим салоном, душным запахом резины и потертыми дерматиновыми сиденьями, Антона долго мутило, отчего почти всю дорогу он ехал, высунув голову в окно, а один раз, зазевавшись, даже проглотил летевшего по своим делам жука. После этого Антон долго кашлял, на радость всей съемочной группе, и в окно высовывался осторожнее.

Поселили их в захудалом санатории, главный корпус которого производил самое удручающее впечатление. Здание давно не ремонтировали. Внутри, в холле с облупившихся стен на посетителей смотрели белыми гипсовыми барельефы: рабочие с молотами, крестьяне с колосьями, дети с невразумительными игрушками. Антон бросил сумку на пол и, хмыкнув, огляделся по сторонам.

– Версаль, – сказал он.

Дежурная за стойкой строго посмотрела на него и поджала губы, но потом, увидев, куда он смотрит, опустила глаза и пробурчала что-то нечленораздельное. Антон же с усмешкой разглядывал белоглазого красноармейца, с распахнутым ртом, флагом в одной руке и саблей в другой. Нос у безымянного героя был отбит, и это придавало ему сходство со сфинксом.

Сфинкс Антона развеселил, потому на убогость номера он уже не отреагировал, а поздно вечером, когда вся группа торжественно отмечала прибытие на натуру, он с удивлением понял, что совершенно не думает о Рокси, словно кто-то незаметно вынул занозу из нывшего сердца. Была боль – и нет боли. Даже не боли, а некоего непонятного дискомфорта.

Дай бог здоровья тому, кто придумал водку! Или вечная ему память?

Не разобравшись, как все-таки правильно благодарить создателя лучшего русского антидепрессанта всех времен, Антон радостно поддерживал компанию, звонко чокался рюмкой, хрустел огурцами, которых в большой пластмассовой миске было много, тискал гри-мершу Танечку, которая заливисто хохотала, и чувствовал себя превосходно. И даже утром, когда он проснулся от головной боли, прижимаемый к стенке с жирными обоями жарким Танечиным телом, чувство невероятной свободы так и не покинуло его.

Прибытие на съемочную площадку главной звезды сериала Алексея Залевского Антон воспринял прохладно, в струнку не вытянулся, ноги целовать не бросился. Глядя на остатки былой красоты этого испитого мужчины, Антон недоумевал: что только находят в нем женщины и режиссеры? Да, неплохой актер, но амплу однобокие: мрачные красавцы, разочарованные жизнью, продолжавшие добиваться справедливости, герои-любовники, на которых бросались все дамочки. Но, как это ни прискорбно, после громкого успеха двадцать лет назад, когда Залевский сыграл героя-гусара, ни одной по-настоящему значимой роли.

Станиславский сказал бы: не верю! Антон говорил: халтура!

Алексей в редких интервью (поскольку журналистов крепко не любил) рассуждал об искусстве, великих писателях, вроде Чехова, сетовал, что сейчас никто не пишет чего-то подобного, осуждал коллег, снимавшихся в рекламе, и намекал, что вот-вот блеснет на широком экране в голливудском блокбастере. По слухам, увядающим красавцем заинтересовался кто-то из великих, не то Вуди Аллен, не то Спилберг. Аллен собирался ставить эпическую драму, а Спилберг – очередной «Парк юрского периода», и оба никак не могли решить, у кого же будет сниматься русский актер Залевский. Журналисты экзальтированно всплескивали руками, ахали, Залевский снисходительно улыбался, а его коллеги хихикали за спиной и пересказывали бородатый анекдот об актере, отказавшем Спилбергу, потому что у него под Новый год были елки.

Постепенно к этим рассказам привыкли и уже на них не реагировали. Алексей снимался в сериалах и второсортных любовных мелодрамах, крепко пил и менял подруг. Одну из последних Антон знал хорошо. Ею оказалась певичка Мишель: рыжая, безголосая, исполняющая слюнявые песенки о вечной любви. Когда-то Мишель, которую в реальной жизни звали Мариной, тесно дружила с подругой Антона, пока между ними не пробежала кошка. Вспоминать эту историю Антон не любил.

За завтраком, в длинном скучном зале с желтыми шторами на окнах, собралась почти вся группа. Антон сел за стол с актерами Леней Сеницыным и Игорем Ларионовым, ожидая, когда подойдет официантка – толстая баба с пергидрольной халой, охваченной несвежим белым чепчиком. И хала, и чепчик кренились на одну сторону. Толстые бока официантки колыхались студнем под ситцевым платьем в черно-белые горохи, а коралловые серьги задорно плясали, цепляясь за мочки уха, как самоубийца за карниз...

Пахло в зале неаппетитно – чем-то подгоревшим, а под потолком, кажется, даже стояла сизая дымка, заползавшая из дверей и вентиляции. На стенах, освещенных веселыми брызгами солнечных лучей, висели картины: натюрморт с дичью, плохонький пейзаж и скособочившийся портрет голой красотки с виноградной гроздью, засиженный мухами. Наверху с натужным гулом и хрипом вращались лопасти вентилятора.

– Чего изволите? – лениво спросила баба, вынула из грязноватого передника блокнот и огрызок карандаша и выжидающе замерла. Вентилятор слегка раздувал ее кудряшки, отчего казалось, что волосы шевелятся, как ожившие макароны.

– А меню можно? – спросил Антон.

Сеницын хмыкнул и уткнулся в тарелку.

– Откель у нас тут меню? – удивилась баба. – Я вам и так скажу, что на завтрак.

– И что?

– Ну, значит, каша перловая с печенью, супчиков два штуки. Хотите – рассольник, хотите – борщ...

«Борщ» она выговорила как «борсч», чем невероятно развеселила.

– ...Потом еще салат «Витаминный», огурчики с помидорчиками, кисель, компот, выпечка. Чай с сахаром.

Антон подумал и посмотрел в тарелки коллег. Оглядев их унылые лица, он задумчиво сказал:

– Ну, давайте салат «Витаминный» и... борсч. Каши не надо.

– А компот? – поинтересовалась баба.

– И компот не надо. Чаю и булку. С чем у вас булки?

– Есть с маком.

– А еще?

– Есть без мака, – пожала плечами баба, словно удивляясь сказанной им глупости.

– Давайте с маком, – вздохнул Антон.

Баба послунывила карандашик, черкнула в блокноте пару слов и отплыла от столика, как подбитый сухогруз, заваливаясь на один бок.

Антон проводил ее взглядом.

– Колоритная фигура, – сказал он.

– Это ты еще дворника не видел, – фыркнул Синицын. – Типочек – закачаешься. Помнишь, у Лунина в «Островитянине» Мамонтов снимался? Вот, нечто подобное. Сухой, жилистый, без зубов, а глазки умные, как у собаки. И пальцы кривые, в заусенцах, рабочие такие, а на запястье солнышко.

– Наколка?

– Ну. А говор пензюковый. Пензюки ж не гэкают, не акают, они поют. Я прям заслушался. Выйди потом, поболтай, авось пригодится для картинки какой.

С Синицыным и Ларионовым Антон был знаком еще с Питера, где дебютировал в сериале про доблестных ментов. Леня, маленький, с вечной улыбкой, был уже довольно известен, но, как и у Антона, карьера у него складывалась скорее сериальная, в рамках одного формата – русского мужичка «с хитринкой». Горбоносый, кудрявый Ларионов был характерным комедийным актером, в кино снимался часто и довольно успешно, но от ролей разнообразных клоунов он изрядно подустал. Потому на съемки в сериале согласился не раздумывая, о чем довольно быстро пожалел. На момент его согласия Залевский, который когда-то увел у него жену, утвержден еще не был. Узнав о появлении в фильме заклятого врага, Игорь долго ругался, намереваясь разорвать контракт, но потом стух, и только при упоминании соперника злобно поджимал тонкие губы.

– Господин Залевский прибыли, – вмешался в разговор Ларионов, не поднимая глаз от тарелки.

Антон окинул взглядом зал:

– Что-то я его тут не вижу.

– А его тут и нет, – зло сказал Ларионов. – Барин отбыл в ресторан завтракать. Гнушаемся мы с простыми-то смертными...

– Не свисти, Игорюня, – отмахнулся Синицын. – Барин не потому в кабак пошел. У него свои интересы.

– Какие? – заинтересовался Антон.

Синицын отодвинул пустую тарелку и взял стакан с остывшим чаем:

– Морду пошел засветить. Сюда же знаешь кто приехал? Альмухамедов! Тоже натуру будет снимать. Залевский до небес подпрыгнул. С утра подорвался – и в Киев. Машину забрал. Наверняка пас Тимура у гостиницы.

– А тебе кто не давал? – мрачно спросил Ларионов. – Поехал бы с ними, тоже покрутился. Может, Тимур и твою морду бы приметил.

Он поморщился, помешал ложечкой бледно-розовый компот с неаппетитными комьями сухофруктов, с сомнением оглядел со всех сторон булку и, зажмурившись, откусил, будто она намеревалась взорваться у него прямо во рту.

– Ну да, – хмыкнул Синицын, – кто ж меня отпустит? У нас сегодня сцена погони. У Залевского, кстати, тоже. Но его-то каскадером заменят, а потом доснимут на крупных планах, ну или вообще отдельно. Да и потом, он бы костями лег, а со мной в одну машину не сел бы. Да и неважно это.

– Почему?

– Потому что Тимур сюда приедет все равно.

Антон застыл, не заметив даже, что сухогруз подплыл к столу и ухнул перед ним поднос с тарелками и стаканами. Ложечки, завернутые в салфетки, жалобно звякнули, но Антон не обратил внимания.

Альмухамедов в Киеве?! Он приедет на натуру?

– Антон, ты чего залип?

Синицын и Ларионов смотрели на него настороженно. Антон принужденно улыбнулся и понес какую-то чепуху про роль, образ, и что сегодня придется скакать на лошадях весь день, а душевая тут одна на этаже, и им даже вымыться после съемок будет проблема...

Синицын тут же подхватил разговор, потому как вонять лошадыми весь день не намеревался, у него еще свидание вечером, а Ларионов мрачно предсказал, что в этой дыре горячую воду, как пить дать, отключат.

Антон поддакивал и улыбался.

В голове разноцветными кусочками пазла начал складываться план.

К тому моменту, когда на площадке собрались все, солнце уже хорошо прожарило и лужок, на котором мирно паслись взнузданные кони, и вспотевшего режиссера, прикрываемого от зноя большим зонтом с логотипом «Спрайта» – липкой сладкой пакости, которую никто из группы не пил. Антон, облаченный в черный костюм из искусственного шелка, сидел под деревом в тени, обмахивался широкополой шляпой с длинным страусиным пером и потел, злобно поджимая губы.

Все-таки наш кинематограф отличается от западного!

К гадалке не ходи...

Счастливики, которые попадали в Голливуд, с наигранным ужасом рассказывали, что там надо приезжать на грим к шести утра, чтобы в семь уже начать съемку. Потом перерыв на ланч и снова работа, и так – по пятнадцать часов кряду. Правила общие для всех: от звезд до осветителей. К примеру, режиссер Рассел Малкахи, снимавший в третьей части «Обители зла» любимую Альмухамедовым Миллу Йовович, даже попал в больницу от обезвоживания и истощения. Антон посмотрел на толстого режиссера, черкавшего сценарий, и подумал, что такому истощение не грозит...

Звезды отечественного кинематографа (а это Антон уже давно усвоил) на съемку часто являлись с опозданием, а то и не являлись вовсе. Безработица им все равно не грозила, да и наказывали маститых редко и неохотно. Это же не благословенная Америка с ее профсоюзами, это Россия, страна с широкой душой, опутанная извечным грехом – ленью.

– Чего сидим? Кого ждем? – недовольно спросил Антон.

Валявшийся на траве Синицын меланхолично подрыгал согнутой ногой:

– Известно кого, – лениво ответил он. – Государя императора Залевского. Их сиятельство обещали прибыть к половине двенадцатого.

– Уже первый час, – сказал Антон.

Синицын еще подергал ногой, что наверняка обозначало: «Ну а я при чем?»

Антон вздохнул:

– Испечемся мы тут.

– А я про что?

Ларионов, опиравшийся спиной о ствол березы, участия в диалоге не принимал, делая вид, что дремлет. Время от времени он открывал свои черные глаза и внимательно оглядывал окрестности. Убедившись, что вокруг все погружено в сладостную дрему, Ларионов срывал травинку и начинал ее жевать, перекатывая от одного уголка рта к другому. Синицын курил, с удовольствием пыхая в воздух, как паровоз, распуская комаров, которым в тени было вольготнее, чем на убийственном солнцепеке. И какой дурак придумал снимать погоню в такую жару? Представив, что будет с ним, в этом непродуваемом костюме, да еще и плаще, Антон поморщился.

С лошадьми он тоже не особенно дружил. В последний раз он сидел на лошади еще в училище, где зачет принимал бывший каскадер, преподававший верховую езду и фехтование.

– Да обхвати ты ее коленями, – орал он. – И спину держи. Что ты сидишь, как мешок с говном? Тьфу, бестолочь! Чтоб тебе на ишаках всю жизнь ездить!

У Антона и правда выходило все из рук вон плохо: и езда и фехтование. От лошадей плохо пахло, седлать их Антон попросту брезговал. Фехтуя же, не мог освоить самых простецких выпадов. Преподаватель ругался и советовал держать шпагу нежнее, как знойную женщину, но в то же время твердо, и не махать ею, как Василий Буслаев оглоблей.

К счастью, умаслить преподавателя было просто. Бутылочка коньяка – и вот он, благополучный зачет. А то, что ковбой из него не вышел, – ну и ладно. Все равно за всю актерскую карьеру ни разу ему не предлагали роли наездника.

Разве что сейчас...

Ничего, как-нибудь, небось никто не заметит, что Антон в седле не слишком уверенно держится...

– Идут, кажись, – пробормотал Сеницын и даже приподнялся на локтях, приставив ко лбу сложенную домиком ладонь. – Да, Залевский, точно... А кто это с ним? О, да это же Альмухамедов!

Он, кряхтя, поднялся, бросил в сторону окурков, который упал в траву, испустив прощальный дымок. Антон вскочил. Следом поднялся Ларионов, потоптался на месте и скользнул куда-то вбок, подальше от красавца Залевского, приближавшегося с заметной неуверенностью в движениях.

Пьяный, что ли?

– Простите за задержку, – небрежно сказал Залевский, ничуть не сомневаясь, что его немедленно простят. – Сами понимаете, встретил старого товарища и – вот... Привез, показать ему нашу богадельню...

«Старый товарищ» Альмухамедов поморщился и, не дожидаясь окончания фразы, двинулся к камерам, к кучке насторожившихся людей и режиссеру под легкомысленным зонтиком. Залевский застыл с открытым ртом, а потом поплелся следом, не обратив никакого внимания на коллег.

– Хорош гусь, – фыркнул Сеницын. – Нажрался, так еще и понты колотит.

Антон кивнул. От Залевского действительно припахивало коньячком. Самое обидное, что ему все сойдет с рук, потому что он – звезда и его съемочный день стоит больше четырех тысяч долларов, а у Антона – несчастные восемьсот, хотя обещали полторы. И ничего не поделать, даже уйти некуда, потому что больше нигде не дадут, да и проектов стоящих нет.

– Мы снимать сегодня будем? – грубо спросил он.

Сеницын рассмеялся:

– Тоха, ты меня спрашиваешь? Какая съемка, окстись! Видишь, там встреча на Эльбе. Сейчас они бросятся друг друга лобзать, а кончится все грандиозной попойкой. Вон, наши уже кинулись целовать ноги великому. Ты не пойдешь?

– Куда?

– Как – куда? Тимуру признаваться в любви и вечной дружбе.

– Делать мне больше нечего, – неискренне сказал Антон, а Сеницын рассмеялся.

– Ой, Тоха, как тебя с первого курса не отчислили? Ты ж врать совершенно не умеешь.

– Я басни хорошо рассказывал, – похвалился Антон. – Вот эту: «Уж сколько раз твердили миру, что лесть гнусна, вредна; но только все не впрок, и в сердце льстец всегда отыщет уголок...»

– Вот-вот, как раз про тебя, – заржал Сеницын. – Иди, припади к святыне, поцелуй его в зад, как целуют знамя.

– Иди ты, – отмахнулся Антон и пошел к толпе, окружившей Альмухамедова.

Съемки, которые должны были начаться еще утром, все никак не начинались, а солнце, равнодушное к трудностям съемочной группы, неуклонно катилось к западу. Тени от деревьев все вытягивались и вытягивались, и было ясно: если не начать снимать прямо сейчас, – день, оплаченный спонсорскими капиталами, будет потрачен зря. Актеры, рабочие, осветители шатались по площадке, кони, приготовленные для съемок, щипали траву. Костюмерша Леночка уныло выгуливала режиссерского пекинеса, а тот без энтузиазма семенил по траве, принюхиваясь и с опаской поглядывая на лошадей. Все было давно готово и даже изрядно передержано, а съемки все никак не могли начаться, и все понимали почему.

Виной простоя был актер Алексей Залевский.

Сдержано кивнув Альмухамедову, Антон отошел подальше, делая вид, что ему совершенно не интересно быть в компании звезды мировой режиссуры, но он был уверен, что Тимур разглядел его шитые белыми нитками аллюры и теперь посмеивается в свои чингисхановские усы.

С Залевским, державшимся довольно панибратски, происходили какие-то чудные пертурбации: его стремительно кренило то в один бок, то в другой. Антон не сразу сообразил: звезду «забирало». То ли он успел незаметно хлебнуть еще, то ли на солнышке припекло, но жесты у Алексея становились все более широкими и неуверенными. Вертикально он держался лишь потому, что то и дело хватался за плечо Альмухамедова, отчего тот досадливо морщился, но руки не страхивал.

– Солнце, ну куда я сейчас пойду? – удивлялся Залевский, отмахиваясь от режиссера. Почему-то он в подпитии всех называл исключительно «солнцами», независимо от пола и возраста.

– На площадку! – орал режиссер. – Хотя – какая площадка, ты же пьяный как свинья... Тим, ты видишь, с кем мне приходится работать?!

Тимур сочувственно кивнул, а Залевский, сфокусировав на нем взгляд, вдруг зло поинтересовался:

– Это с кем, например?

– Ой, да иди ты на фиг, – махнул рукой режиссер. – Налакался с утра, день псу под хвост. Зачем я вообще с тобой связался?

– Затем, солнце, – ядовито ответил Залевский, – что без меня твоё говно смотреть никто не будет. Все знают: где Залевский, там успех.

– Да какой там успех, – вяло возразил режиссер. – Ты бухаешь по-черному, сколько народу с тобой работать из-за этого не желает...

– Я бухаю?!

– Ну а кто? Я, что ли? Завязывал бы ты с этим, Леша, а то, боюсь, деградация перерастет в призвание, а халтура станет профессией.

– Чего ты там вякнул?

Залевский вдруг оттолкнул Альмухамедова и попер на режиссера, как бык, разъяренный красным плащом матадора. Однако, несмотря на его угрожающий вид, почему-то никто не испугался, не бросился прочь, раскидывая складные столики и пластиковые стулья с немудреным джентльменским набором: кола да бутерброды. Даже пекинес режиссера, ревностно оберегаемый костюмером Леночкой, лишь с интересом поглядел на Залевского, но даже не гавкнул, хотя обычно посягательств на свое божество не выносил, бросаясь на всех с истерическим лаем.

– А ты меня, Лешенька, на понт не бери, – ласково сказал режиссер. – Мне ведь фиолетово, что ты звезда. Звезд тут – как собак нерезаных. Мы еще пока ни одного метра не отсняли, так что я продюсеру брякну, что ты мне тут по пьяни график срываешь, а это, между

прочим, его денежки, и вылетишь ты отсюда вместе со всем своим пафосом. И будешь телкам рассказывать, какой ты великий актер. У безработных времени много.

– Ты мне угрожаешь, что ли? – сурово спросил Залевский, но голос, растягивающий гласные, был слишком смазанным, чтобы произвести впечатление.

– Я тебя предупреждаю, Леша. И сопли твои мне на площадке – до лампочки. Мне надо, чтобы ты сел на лошадку, выехал на ней из-за лесочка, перепрыгнул через вон ту тележку, а в процессе – палил в неприятеля. Ну как? Смогёшь? А то солнце уходит.

– Я профессионал, – хмыкнул Залевский, сплюнул под ноги режиссеру и важно пошел к лошадям. Тот вздохнул и повернулся к Альмухамедову:

– Ну, вот, Тим, а ты говорил – артист. Это раньше он был герой-любовник, а сейчас... развалина. А ведь ему всего сорок лет.

– Сорок? – удивился Тимур.

– Сорок. А ты сколько думал?

– Да побольше давал... Надо же, он на полтос выглядит! Я еще думал: в какой он хорошей форме, в его-то годы... Нет, серьезно – сорок? Я Анджелину когда снимал, так ейный муж то и дело приезжал со всем их выводком. Так он куда моложе выглядит, а ему уже сорок шесть.

– Ну, так он, поди, следит за собой и ханку с утра не потребляет, – пожал плечами режиссер. – Там актеры – не чета нашим нынешним. Халтура, Тим, халтура... Нет прежней школы. Благо пипл хакает все подряд.

– Да там тоже всякие есть, – возразил Тимур. – И наркота, и выпивка. Но отношение к работе – тут ты прав, совершенно другое, пашут любо-дорого. А у тебя, вон, полдня прошло, никто даже пальцем не пошевелил. Деньги считать не умеете.

– Да мне-то что? Это не мои деньги, – пожал плечами режиссер. – А про сроки – да, прав ты. Так что трюков ты сегодня не увидишь, скорее всего. Давай я тебе просто каскадеров потом отдельно вызову, пусть они кульбиты покажут вечером.

– А твои что, не могут?

– Тим, я тебя умоляю! Спасибо, если Залевский с коня не свалится, да и остальные не лучше...

Режиссер вдруг увидел Антона и нахмурился:

– А ты чего тут уши греешь? Давай на исходную! Может, хоть пару дублей снимем...

Покраснев, Антон бросился к полянке, где конюхи удерживали нервно перебиравших ногами лошадей. Синицын и Ларионов уже сидели в седлах, а Залевский пытался взгромоздиться на шикарного вороного жеребца, косившегося на своего незадачливого седока глазами цвета темного янтаря.

– Тоха, чего там? – вскинулся Синицын, уловивший еле заметную перемену в настроении Антона.

Тот отмахнулся и вспрыгнул на коня, стараясь обуздать нервную дрожь.

Надо же, какая удача...

На пробах Тимур сомневался, взять Антона на роль или нет. И если бы не тот неудачный кувырок да не злобный навет бывшей жены, возможно, и взял бы. Ему нужны актеры, готовые делать трюки самостоятельно, а таких действительно не много. Каскадерская школа в России – самая лучшая в мире. Но если бы дело касалось только каскадеров, вряд ли Альмухамедов проторчал бы на площадке столько времени, слушая пьяный бред Залевского. Видимо, до него дошел слух о профессионалах, готовых на любые трюки, прямо как в Голливуде. И если так, то Антон готов выжать из себя все, лишь бы понравиться!..

В ушах застучало от волнения, а пальцы моментально стали влажными.

После команды «мотор!», удара хлопушки Залевский пришпорил коня и понесся вперед, сутулясь и кренясь набок. Выждав, пока он достигнет отмеченного помрежем участка,

Антон, Синицын и Ларионов помчались следом, паля из неудобных длинноствольных пистолетов. Делать это следовало в строгой очередности, поскольку заряд в каждом – всего один, а на ленте пальба должна была казаться непрерывной, с пороховым дымом. Первым выстрелил Синицын, затем Антон, последним Ларионов.

– Леша, стреляй! – заорал в мегафон режиссер.

Залевский обернулся, выставил руку куда-то не в нужную сторону и выстрелил, напугав лошадь. Уронив пистолет, Залевский подскочил к груженному сеном возку, но его жеребец трусливо встал, вместо того чтобы перемахнуть через препятствие.

– Стоп! – прозвучал гнусавый мегафонный голос.

Тяжело дышавший Алексей сполз с коня и зло ткнул его кулаком в бок.

– Скотина безмозглая! – прошипел Залевский.

Подъехавшие Антон, Синицын и Ларионов тоже спешили, вопросительно глядя на режиссера. Тот семенил к ним с пригорка, сопровождаемый помощником. Альмухамедов остался на месте и смотрел на актеров с непроницаемым лицом, скрестив руки на груди.

– Леша, тебе что, трудно было перепрыгнуть через эту телегу? – зло спросил режиссер.

Тяжело дышавший Залевский долго не отвечал. Согнувшись пополам, он уперся руками в трясущиеся колени.

– И стрелял ты не в ту сторону! – не унимался режиссер. – Если бы мы снимали крупный план, еще ничего, но на среднем это заметно. Где твой пистолет вообще?

– Да откуда я знаю! – заорал Залевский так, что его конь испуганно шархнулся в сторону. Ларионов, зло зыркнув на Алексея, пошел ловить коня и успокаивать, глядя по мощной спине.

– И пистолет ты потерял, и палил не в ту сторону, – холодно изрек режиссер. – И в седле держался как мешок с говном. Что мне прикажешь с этим делать?

– Ты же не рассчитывал снять все с первого дубля?

– Рассчитывал! Потому что тут снимать нечего. Это любой школьник сделает. И потому ты сейчас найдешь свой пистолет, сядешь на коня и перепрыгнешь эту телегу.

– На крупный план?

– Нет, на средний. А потом на крупный. Все сначала.

Залевский рухнул на колени и поднял кверху красное от напряжения лицо. Антон заметил, как трясутся его руки.

– Солнце, окстись, какой, на хрен, крупный план? Ты что, не видишь, в каком я состоянии? Давай завтра.

– Завтра ты с похмелья умирать будешь, а у меня время, – зло прошипел режиссер. – И вообще – не жалоби меня. Подписался работать, так работай, а нет – уматывай. Через три дня дожди обещают, неизвестно, сколько они идти будут. Что мне, из-за твоих запоев тут до зимы куковать?

Ларионов и Синицын, переглянувшись, пошли прочь, уводя за собой своих лошадей. Антон, помедлив, двинулся следом.

– Ну не могу я, солнце, – жалобно простонал Залевский. – Ты что, не понимаешь? Не могу!

– Да пошел ты... Антон, вернись!

Антон быстро подошел. Режиссер придирчиво оглядел его с ног до головы, а потом решительно приказал:

– Так, снимай свой плащ и шляпу. Мы сейчас тебя на среднем плане снимем. Леша, отдай ему одежду.

– А вместо меня-то кто? – спросил Антон. – Он, что ли?

И кивнул на Залевского.

– Каскадер сделает. Сойдет. В любом случае нарезку сделаем какую-нибудь. Авось пригодится. Не пропадать же дню. А ты, герой-любовник, спать иди, и чтобы завтра был как огурец!

Зло шипя под нос, Залевский дернул завязки своего плаща, снял болтавшуюся на спине шляпу и с презрительной усмешкой бросил их под ноги Антону. Не поворачиваясь, он начал медленно карабкаться на склон холма. Антон поднял шляпу, стряхнул с нее пыль, набросил на плечи плащ и покачал головой.

– В общем, твоя задача сейчас чуть-чуть проскакать и перепрыгнуть через телегу, – инструктировал режиссер. – Морду воротником прикрой на всякий случай, мало ли, вдруг попадет где в кадр. Но сильно не усердствуй. Как прыгнешь, так прыгнешь. Ну а не получится – ничего. Мне главное, чтобы ты вот этот участок пролетел как птица и выстрелил. Пистолет твой где?

Антон вытащил из-за пояса пистолет и покрутил им в воздухе.

– Хорошо, – похвалил режиссер. – Ты, Антош, постарайся, а я твоего персонажа поярче вырисую. И реплик больше дам. Реквизиторы!

Отбрав у Антона пистолет, режиссер сунул его в руки подоспевшему мужичку.

– Давай, Антош, сейчас все на средний план отснимем, потом погоню – отдельно, и на сегодня закончим. Все одно хмыря этого девать некуда, полкассы под него ушло, ничего не напишешь. Ты задачу понял?

– Понял, – кивнул Антон и покосился на холм, где в прежней позе истуканом застыл Альмухамедов.

Ему показалось, что прославленный режиссер одобрительно кивнул.

Обрадованный Антон забрал у пиротехника заряженный пистолет, подошел к жеребцу Залевского и лихо вскочил в седло.

Дальше произошло что-то невероятное.

Смирно стоявший конь вдруг словно взбесился и стал отчаянно брыкаться, истерично заржав. Перепуганный Антон вцепился в поводья, но тут жеребец изо всех сил поддал задом. Антона швырнуло через голову коня. Распластав в стороны руки, он полетел на землю.

Сквозь ржание до замерших свидетелей этой сцены донесся легкий хруст. Как будто в лесу сломалась ветка.

Режиссер, не успевший забраться на свой командирский пост, колом несся обратно, за ним летел Альмухамедов, следом бежали члены съемочной группы.

Успевшие сесть на лошадей Синицын и Ларионов галопом скакали обратно. Их плащи развевались, как крылья черных воронов.

Растолкав членов группы, к распростертому на земле Черницыну бросилась врач. Бросилась – и застыла, неуверенно оглянувшись на режиссера. На ее лице был страх и злая, отчаянная беспомощность.

Антон лежал на спине, нелепо откинув вбок голову, рот был окровавлен, а из неестественно согнутой шеи выпирала кость, грозя порвать натянутую кожу. Полуприкрытые глаза тускло смотрели вбок, а ноги дергались в затихающей агонии.

На поляне вдруг стало так тихо, что все слышали гул пролетающих шмелей, которые торопились по своим шмелиным делам, не обращая внимания на людские трагедии.

И когда в этой вязкой тишине вдруг возник прорвавший ее странный, ни на что не похожий вой, все вздрогнули, а кое-кто даже вскрикнул от испуга.

Ларионов, упавший на колени перед умирающим Антоном, выл, задрал лицо к небесам, как тоскующий волк, и только спустя минуту все поняли, что он, заливаясь слезами, повторяет одну и ту же фразу:

– Я не хотел!.. Я не хотел!

По телевизору показывали гадость.

Егор морщился, но мужественно смотрел, хотя от всего происходящего прямо с души воротило, а в желудке вертелась скользкая холодная жаба.

– Добрый вечер, добрый вечер, добрый вечер, – почему-то радостно вещал с голубого экрана звезда самого главного канала Александр Галахов. – Сегодня, сразу после рекламы, мы откроем вам тайну трагической смерти актера Антона Черницына. Не переключайтесь!

Егор выдохнул, когда на экране закрутилась привычная картинка из йогуртов, шампуней и лекарств от геморроя, спазмов и простуды. Жаба потопталась где-то на печени, усе-лась поудобнее и замерла, предвкушая развлечение. Когда на экране снова появился Галахов, Егор забрался с ногами на диван и даже колени подтянул к подбородку, чтобы было не так страшно.

Лощеный Галахов тараторил в микрофон, таращил глаза, делал многозначительные паузы, обращаясь к гостям в студии, и, судя по всему, сам себе очень нравился. Ведущим он, кстати, был посредственным, часто запинаясь, блял и оттого старался тараторить как можно быстрее, без пауз. Домохозяйки принимали его сливающиеся в одно слово фразы за «собственный стиль». Только логопеды да привыкшие ко всему телевизионщики знали – Галахов частенько заикается и с трудом подбирает нужные слова, если что-то идет не по сценарию.

Вот тебе и «добрый вечер»...

Чего в нем доброго, интересно?

Егор потянул на себя свернутый вчетверо плед и набросил на голову шалашиком. Тяжелое плюшевое покрывало создавало иллюзию уюта и знакомой с детства безопасности, как в старом рассказе Шекли: накинешь одеяло на голову – и монстры не тронут, пройдут мимо.

Монстров на экране хватало. Жизнь Антона разбирали по косточкам, а приглашенные знаменитости с удовольствием смаковали чужую трагедию. Все здесь было неправильным, гротескным, вывернутым наизнанку, как в Зазеркалье, куда случайно попала простая английская девочка. Смотришь на лицо и думаешь – человек. А потом вдруг из-под макияжа выглядит Бармаглот – ужасный и опасный.

– Стервятники, – прошипел Егор.

Несмотря на принадлежность к этому алчному миру, ему было противно.

Знаменитостей в студии хватало. Часть из них наверняка пришла добровольно, вроде певицы Мишель, знакомой с Антоном шапочно. Бывшая жена Антона, спасибо ей, на программу не пришла. Зрителям показали запись ее рассказа о жизни с Антоном, причем Галахов не упустил возможности напомнить про существенную разницу в возрасте увядающей актрисы и молодого Черницына.

Часть гостей явились в студию за очень большие деньги.

Редакция ток-шоу «Правда жизни» переживала не лучшие времена.

Увлекательных сюжетов не хватало. Народ, утомившийся от звездных скандалов, разводов, свадеб, мнимых романов и внебрачных детей, искал утешения на других каналах. Рейтинг Галахова падал, отчего «поп-ведущий» свирепел, заставляя редакторов и корреспондентов рыскать по всей стране. Упустить такой сюжет, как загадочная смерть молодого артиста, он не мог.

Егору тоже предлагали участвовать в передаче, поскольку о дружбе, а затем и вражде между ним и Антоном знали многие. Галахов, не приняв отказа, звонил сам, умолял, сулил баснословные деньги за участие. Получив отказ еще раз, он перестал здороваться с Егором в коридорах Останкино. А вот камень преткновения, художницу Аллу Семенову, ушедшую к Антону от Егора, редакторы нашли. Однако в студии Алла, вопреки ожиданиям, не сказала ничего интересного, что вызвало у Галахова приступ бешенства.

– Наши корреспонденты выяснили: Антону Черницыну не желали смерти. Таинственный недоброжелатель мечтал избавиться от другого действующего лица этой трагедии, – бодро сказал Галахов и со значением прищурился, перед тем как пошел сюжет.

На экране появился Залевский, пафосный, и, похоже, снова не совсем трезвый. Он пару минут занудно рассказывал, что на злополучном жеребце должен был скакать он сам, но его уберегла рука судьбы. Хотя он, разумеется, предчувствовал неладное, поскольку ему ночью явился призрак покойной матери, грозил пальцем и скорбно вздыхал, а это не к добру...

– Мы встретились с дрессировщиком коня Фердинанта, на котором должен был скакать Алексей Залевский, но в седло которого волею случая сел Антон Черницын, – прервал откровения Залевского ведущий. – Сегодня Игорь Буранов у нас в студии. Здравствуйте, Игорь!

Ерзавший на краю диванчика мужичок самого затрапезного вида подскочил и, запинаясь, поздоровался. Галахов уселся рядом и сунул ему в нос микрофон с самым задушевным выражением лица:

– Расскажите, как давно вы дрессируете Фердинанта?

Мужичок послушно забубнил.

В его монологе об особенностях воспитания элитного жеребца смерть актера отодвинулась на задний план. Зрители заскучали, и Галахов, спиной почуяв волну апатии, умело направил тренера в нужное русло. Из рассказа Буранова выходило: конь был смирным, послушным. Поначалу никто даже не понял, почему он сбросил Антона, и только потом, когда сняли седло, на спине Фердинанта обнаружили рваную рану, оставленную выпавшей из упряжи железкой. Услышав про железку, Галахов убрал микрофон от лица порывавшегося продолжить мужичка, повернулся к камерам и собрал губы куриной попкой:

– Кто желал смерти Алексею Залевскому? Независимое расследование нашего телеканала выявило пикантные подробности трагедии...

Егор неуклюже сполз с дивана и, как был, в коконе из пледа, прошлепал на кухню. Набулькав полбокала коньяка, он долго смотрел на красноватую жидкость и сопел, не решаясь жажнуть все одним глотком. Плед сполз на пол, и Егор не стал его поддерживать.

Пусть валяется.

На дворе душливая жара, а в кондиционированном раю квартиры было зябко, как в могиле. Коньяк подмигивал багровым глазом, нашептывая неразборчивые слова.

...Что там прочитала Алиса на пузырьке? «Выпей меня»?

Телевизор в гостиной вещал, открывая телезрителям новые тайны, которые Егор уже давно знал.

Актер Игорь Ларионов, решив отомстить Залевскому, сунул железку под седло. Признание из Ларионова вытянули сразу, пока он бился в истерике. Вечером его увезли в больницу с нервным расстройством, где, пролежав три дня, он вызвал адвоката и решительно отказался от своих слов, объясняя все самовнушением и впечатлительностью.

Доказательств вины Ларионова не было, хотя, даже если бы на железке остались отпечатки пальцев или еще какие-то следы, максимум, что ему можно было бы предъявить – убийство по неосторожности, а то и хулиганство.

Ну в самом деле: решил один актер подшутить над другим, это дело вполне привычное. То, что из-за этого погиб человек, – чистейшая случайность.

В студии перешли к прениям.

Часть зрителей считала, что Ларионова надо линчевать, другие кричали, что тот ни в чем не виноват. Галахов слушал ругань и наслаждался.

«Выпей меня...»

Егор потоптался босыми ногами по пледу и, зажмурившись, опрокинул бокал в рот. Откашлявшись, он приложил тыльную сторону ладони к носу и задышал, жадно, с кашлем. Быстро оторвав от виноградной грозди ягоду, сунул ее в рот.

– Мы должны закончить этот фильм, в память об Антоне, – пафосно заявил Залевский с экрана. – Вся группа будет работать изо всех сил, хотя это так нелегко... мы были лучшими друзьями с Антоном, и я не представляю, как буду стоять перед камерой, сознавая, что занимаю его место. Боль утраты так велика, что я даже отказался от проекта Тимура Альмухамедова. Я надеюсь, мы сможем собрать денег на достойный памятник для Антона...

Залевский захлебнулся и вытер совершенно сухие глаза.

Егор криво усмехнулся.

– Кому война, кому мать родна, – зло произнес он, сжимая бокал в руке.

Запустить бы им в телевизор, да жалко новую плазму!

Поставив бокал на стол, Егор ладонью смахнул влажный полукруг, оставленный ножкой, ушел в гостиную, уселся на диван, нашел пульт и выключил телевизор. Тут же как по команде затрясся мобильный, завопив веселую песенку. Егор мельком глянул на дисплей.

Звонила Рокси.

Не отвечая, он сунул телефон между подушек и лег, отвернувшись к стене. Мобильный еще долго чирикал, а потом затих, словно захлебнувшись звуками в душном пространстве синтепона.

Съемки на натуре, запланированные Альмухамедовым, были несложными. Основное действие картины происходило зимой, потому большей частью снимали в павильонах «Мосфильма», запорошенных искусственным снегом. Для съемки эпизодов, где требовалась настоящая заснеженная натура, было решено ждать холодов.

Под Киевом у Егора было всего два съемочных дня, причем эпизодных. И если первый день, когда от него требовалось лишь искупаться в теплой, как парное молоко, речке, прошел спокойно, то на второй с ним едва не случилась истерика.

Группа расположилась на большом поле, заросшем цветами.

Поле как поле. Ничего особенного.

Слева лесок, справа лесок, на заднем плане торчит маковка церквушки, сияя на солнце сусальным золотом.

Жителям мегаполисов такие вот поля в реальной жизни попадают редко. Каменные джунгли конкурентов не терпят, захватывая под железобетонные громады все новые и новые участки.

На съемках проходной сцены от Егора и актрисы Марины Гребенкиной, дочери известного питерского рокера, требовалось немного. Всего-то пробежать по полю навстречу друг другу и, слившись в объятиях, упасть в траву, поваляться там в обнимку, пару раз поцеловаться – и хеппи-энд! Никакой актерской сверхзадачи, никакой особой игры. Просто картинка, красивая, романтическая, настраивающая зрителя на нужную волну.

С точки зрения Егора, Карина была – не то чтобы очень...

Худенькая, курносая, с большими передними резцами, делавшими ее похожей не то на трогательную мышь, не то на кролика. Она часто и много смеялась, и вообще была девушкой весьма приятной, но как женщина Карина Егору не нравилась. Видали мы и покрутивее...

С партнершей вне площадки он держался галантно и подчеркнуто отстраненно, что, кажется, слегка удивляло ее. Впрочем, до ее мыслей Егору дела не было. Чего хотелось, так поскорее отработать два дня, получить деньги и смыться обратно в Москву, где осталась куча дел...

Свои действия Егор и Карина выполнили четко.

Бег по полю сняли с первого дубля, поцелуи в траве крупным планом на всякий случай снимали дважды. Лежа на спине, Егор и Карина смотрели в синие небеса, не обращая внимания на нависшую над ними камеру. Белые цветочки пахли чем-то медовым, как не пахнут ни одни купленные в магазине цветы, в траве стрекотали кузнечики, а наверху, в бездонной синеве, растворялось одинокое облачко. Егор думал об Алине, оставшейся в Москве, и еще, что было бы неплохо притащить ей со съёмок вот этих цветочков, чтобы она могла вдохнуть пьянящий вкус меда и леса. Да ведь не довезет, завянут по дороге. Еще и в самолет не пустят...

От мыслей его лицо стало мягким, а в глазах появилась мечтательность.

– Тебе идет, – сказала вдруг Карина.

Егор опомнился.

Режиссер давно сказал свое веское «стоп», а они все лежали в траве.

Егор сел, попытался посмотреть себе на спину, не прицепилась ли к рубашке трава. Карина тоже поднялась, помогла ему отряхнуть рубашку и посмотрела со значением. Голубые глаза искрились, а губы растянулись в улыбке, отчего резцы торчали еще сильнее.

– Что мне идет? – спросил Егор.

Она улыбнулась еще шире и даже прищурилась – так ей было весело. Сходство с мышью стало абсолютным.

– Влюбляться. Ты от этого... Ну... на человека становишься похож. Я даже ей позавидовала.

– Кому?

– Той, о ком ты думал.

Егор не ответил.

Рядом суетились члены съемочной группы, и обсуждать рядом с ними свою личную жизнь он совершенно не хотел.

Он поднялся и подал руку Карине. Они были почти одного роста, и, когда она встала, их глаза оказались почти на одном уровне.

– А вот сейчас ты снова такой же, как раньше, – заметила она.

Он улыбнулся.

– Нет, даже когда улыбаешься, ты – другой. Закрылся. Как устрица. Хлоп – и в домике.

– Пойдем обедать, – предложил Егор.

– Спрыгиваешь с темы? Ну, дело твое. Просто я хотела тебе сказать, что иногда это надо выпускать, иначе свихнешься. Тебе, наверное, очень сложно жить.

– В каком смысле?

– Да в прямом. Ты же все должен контролировать. Это, в принципе, неплохое качество, если далеко не заходить. А ты, как мне кажется, с этим перебираешь. Вот сейчас – ты играл или нет? Какой ты настоящий? Тот, кто любит, или вот этот – забальзамированный?

– Я обожаю все контролировать, – рассмеялся Егор. – Это у нас семейное. Вот сейчас я должен проконтролировать наш обед. Потому что вечером я улечу в Москву, и не факт, что там мне удастся поужинать.

– Я серьезно, Егор.

Он поморщился и посмотрел на Карину с неприязнью:

– Карин, давай вот без этих психологических разборов, а? Честное слово, не тянет на исповеди.

– Да я как бы и не хотела...

Он не ответил, махнул рукой, выудил из кармана мобильный и полез на холм. Карина снизу смотрела, как он поднимается по склону, терзая пальцем сенсорную панель.

Барчук хренов!

Когда ей сказали, что партнером по съемкам будет Черский, Карина не слишком обрадовалась. Играть в паре с медийным лицом, за душой которого нет актерского образования, не хотелось. Она представляла заранее эти изматывающие съемочные дни, когда не слишком опытный партнер то и дело запарывает кадр. Однако, к ее удивлению, Егор держался очень даже неплохо, отлично знал свои выигрышные ракурсы, а операторы, снимавшие их накануне, признали – камера Черского любит.

После этого Карина решила приглядеться к нему повнимательнее.

То, что Егор из богатеньких, знала вся группа. Сын олигарха, успешный телеведущий, опять же – холостой, но, судя по слухам, с некоей дамой сердца из тусовки нефтяных или алмазных богатеев.

Дама – не стенка, подвинется, рассудила Карина и принялась Егора обольщать, что было заранее обречено на провал.

Во-первых, времени катастрофически не хватало: два съемочных дня, одна репетиция. Можно было, конечно, отыгаться на павильонных съемках в Москве. Но тут пришлось учитывать пресловутое «во-вторых»...

А во-вторых, подступить к Егору оказалось непросто.

Внешне открытый и улыбчивый, Черский оказался совершенно иным. О его железобетонную холодность разбивались все попытки флирта. От общения он уклонялся, вечером сразу ушел к себе в номер, где ожесточенно переговаривался по телефону, а потом лег спать. Карина было отчаялась, но сегодня, в этой душистой траве, она увидела другого Егора. Сообразив, что этому каменному статуе все-таки не чуждо ничто человеческое, она воспрянула духом.

А Егор шел к пансионату, в котором остановилась вся группа, не подозревая о бурных чувствах, клоочущих в душе Карины. За время съемок на автоответчике скопилось полтора десятка сообщений, и все следовало прослушать, прочитать СМС, и ответить, по мере возможности. Егор шел к пансионату, жутчайшему монстру эпохи социализма, с его гипсовой лепниной, рассеянно поглядывал по сторонам и изучал сообщения.

Особо длинное послание пришло с работы, где, судя по паническому стилю ассистентки, случилось нечто ужасное. Замерев у колонны, Егор нахмурился, стараясь разобрать в неудобоваримой каше слов, как попало разделенных пробелами и без знаков препинания, что же все-таки произошло.

– ...Вот так и живем, – слышался рядом скорбный женский голос. – Был человек – и нет человека. И не знаешь, как судьба повернется, какую участь Господь тебе приготовил.

– Что ты, Галя, говоришь? – недовольно ответил мужчина хриплым басом, который словно застревал в глотке. – Тут не судьба, тут подлость людская.

– Так а я о чем?! – подхватила невидимая Галя, скрытая кустом сирени. – А ведь какой парень был. Красавец! А в кино как играл!

– Не видал я его в кино, – проворчал мужчина. – Но парень видный был, да. И ведь отпустят убийцу, помани мое слово.

Егор застыл.

Медленно развернувшись, он решительно шагнул к секретничавшей парочке. Обоих он уже видел. Женщиной оказалась колоритная официантка с кособокой халой, ее собеседником – местный дворник: беззубый, с пропитой физиономией. Егор скосил глаза, разглядывая беспалую руку с солнышком на запястье, ногтями с траурной полосой грязи, и еле заметно дернул бровью.

– Здравствуйте, – строго сказал он.

Парочка робко поздоровалась и с независимым видом прыснула в разные стороны, однако Егор решительно удержал дворника за рукав, а Гале перегородил дорогу:

– Простите, вы о ком говорили?

Дворник предупредительно кашлянул, Галя разглядывала небо с деланным равнодушием, казалось – вот-вот начнет насвистывать какую-нибудь незамысловатую мелодию.

– Так о ком вы говорили? – требовательно спросил Егор.

Дворник выдернул рукав и сердито прорычал:

– А чего это вы нас допрашиваете?

В его хрипах гласные превалировали и тянулись как-то странно, почти музыкально, словно он пытался спеть, да медведь наступил не только на ухо, а прямо на голову. Галя, воспользовавшись моментом, рванула к дверям.

Егор вновь перегородил ей путь.

– Да что вы тут под руку лезете? – возмутилась она. – Пустите, мне работать надо.

– Кого вы имели в виду? Кто умер? – требовательно повторил Егор.

Галя закатила глаза:

– Да парень этот, актер из Москвы. Антон. Он же тут, у нас, на лужку с лошади упал и шею сломал. Вы ж знать должны...

Егор оторопел.

– Это здесь было? – пролепетал он.

– Здесь, здесь. В прошлом месяце, вон на той поляне, где вы сейчас кино снимали.

Егор беспомощно обернулся на поле, где только что валялся в траве.

Официальные сводки новостей были скупы и названия местности, где погиб Антон, толком не сообщали, не назывался и пансионат, в котором жила группа. Хотя, может, и назывался, да Егор слушал невнимательно, ошеломленный смертью когда-то близкого друга. Воспользовавшись его замешательством, официантка рванула к дверям и скрылась внутри. Помявшись на ступеньках еще пару минут, Егор вошел внутрь и сразу направился в свой номер, сопровождаемый молчанием безглазых барельефов.

Настроение, такое благодатное с самого утра, куда-то улетучилось.

Если в самолете он еще вспоминал о погибшем Антоне, то в кутерьме съемок трагедия отодвинулась на задний план.

Усевшись на кровать, Егор с ужасом подумал: месяц, уже целый месяц.

Вытащив из шкафа чемодан, он стал лихорадочно бросать в него вещи, словно пытаясь отогнать резкими движениями неуютные воспоминания. Воспоминания упорно сопротивлялись.

Машина, которая должна была отвезти Егора в аэропорт, задерживалась по непонятным причинам, а на звонки отправленный в аэропорт с паспортом и деньгами водитель не отвечал. Донельзя раздраженный Егор бросил телефон на кровать. Подумав, вытащил из чемодана непочатую бутылку виски, купленную еще по пути в Киев в дьюти-фри и благополучно позабытую. Стаканчик в номере был всего один, рядом с сиротливо поставленным на тумбочку графином. Егор взял стаканчик и подозрительно понюхал. Из него ничем не пахло, разве что пылью. Брезгливо протерев его полотенцем, Егор сорвал пробку с бутылки и набулькал себе виски.

Жидкость в стаканчике манила приятным янтарным оттенком, но Егор почему-то посмотрел на нее с подозрением, а потом осторожно понюхал.

Запах как запах.

Закусить было нечем, а спускаться вниз в буфет он не захотел и потому, зажмурившись, храбро глотнул теплый виски, закашлялся и занюхал рукавом. Горячая волна обожгла горло и рухнула в желудок каменным кулаком. Спустя минуту по телу разлилось приятное тепло...

Походив по комнате, Егор еще раз безрезультатно позвонил шоферу, подумал и налил еще виски.

Вторая порция пошла легче. Егор улегся на кровать и уставился в потолок. Приглушенная спиртным, совесть ехидно скулила где-то на краешке подсознания, но заткнуться не хотела.

Разглядывая облупившуюся штукатурку, Егор мрачно думал: они ведь вполне могли остаться друзьями. Ну подумаешь, женщину не поделили. Когда такое было, что баба себя предложила, а мужик отказался? Ну, набили друг другу морды, да и разобрались, или бутылка бы помирила. Сколько раз они сидели вот так, лицом к лицу, обсуждая победы и неудачи?

Не сосчитать...

«Все потому, что ты слишком гордый!» – фыркнула придушенная совесть.

– Заткнись, – прошептал Егор и отважно хлебнул прямо из горлышка.

«Если бы ты сам не вел себя как последняя свинья, вообще ничего не случилось бы, – не сдавалась совесть. – Но тебе же работа важнее людей, чурка бесчувственная. С чего ты взял, что тебя будут ждать вечно?»

Ответить было нечего.

Егор хлебнул еще, чувствуя, как в носу предательски запершило, а к горлу подкатил ком острой жалости, но отнюдь не к погибшему непощенному Антону.

Жаль было себя – по-страшному...

Собственная жизнь показалась вдруг никчемной.

Егор шумно вздохнул, а из глаз брызнули слезинки. Расправившая крылья совесть бросилась в атаку. Егор поставил бутылку на пол, перевернулся на живот и уткнулся в тощую, как спина подростка, подушку.

Он не слышал, как открылась дверь, и поднял голову, только когда кто-то сел рядом, а тонкая рука осторожно прошла по волосам.

– Ну что ты, – мягко произнесла Карина. – Не переживай. Все хорошо. Все хорошо.

Егор проснулся рано утром, оттого что кто-то осторожно скребся в дверь.

Карина спала и только недовольно почмокала губами, когда он вытянул из-под нее свою руку.

В дверь снова поскреблись.

Егор потряс головой и поискал глазами свои трусы, но почему-то их нигде не было. Мысленно махнув рукой, он натянул джинсы на голое тело и осторожно высунул голову в коридор.

На пороге с виноватым видом стоял пропавший шофер.

– Извините, – пролепетал он. – Машина, зараза такая, сломалась в чистом поле, там даже связи не было. Пока эвакуатор вызвал, пока то да се... Я решил: раз вы на рейс все равно опоздали, то не полетите, и не стал билет брать...

Егор шикнул, велел ждать внизу и воровато прокрался в ванную. Наскоро умывшись, он нацепил майку, сунул ноги в туфли и, прихватив чемодан, как вор, выскользнул из номера.

Можно было разбудить Карину и попрощаться по-человечески, тем более после всего, что между ними было ночью.

Наверное, так было бы правильно, но Егор вдруг сам себя презирал за вчерашнюю слабость.

Сейчас, когда на улице медленно наливалось золотом солнце, все тревоги казались надуманными и смешными. Глупо даже, что он так вот распустил нюни из-за погибшего товарища, который по большому счету и товарищем-то не был... Чужой человек, не постеснявшийся предать.

А кто обижается на посторонних?!

Другое дело – Карина.

Ох, ни к чему были эти всхлипы у нее на груди, и уж совсем ни к чему – суматошный, горячечный секс, который неизвестно к чему приведет.

Конечно, на тот момент она вовремя оказалась рядом, но лучше бы он переждал один, чем слушать ее тихий голос, успокаивавший и мягкий...

У нее были маленькие, помещавшиеся в ладони груди, а от кожи пахло шоколадом...

Машина летела к аэропорту.

Сконфуженный вчерашним происшествием, шофер старался домчать пассажира как можно скорее. В динамиках душераздирающе орал какой-то блатной хит, про волюшку, воровья и раскрошенный каравай, выводимый на редкость гнусным голосом.

Егор смотрел в окно и думал о Карине.

Хватит!

Ну тебя в баню, девочка, с твоими попытками психологического анализа. Мы стальные, железобетонные, наши нервы – натянутые канаты... и всякое такое.

А то, что рассопливился, – так может популярный телеведущий позволить себе сойти с ума на пять минут?!

В бизнес-классе было не так много народа, чтобы все пялились и просили автографы. Пассажирам, расположившимся тут, преимущественно было за тридцать, вряд ли они фанатели от музыкальных шоу. Правда, в соседнем ряду, вместе с пузатым мужичком лет сорока, сидела молоденькая блондиночка, косившаяся на Егора с явным интересом, но он, сунув в уши наушники, быстро прикрыл глаза и сделал вид, что дремлет, надеясь, что ей не придет в голову знакомиться. Отгородившись от всех броней готического рока, Егор понял: ему страстно хочется в привычную суматоху Москвы...

Скоро чернявая стюардесса прикатила тележку с едой и вежливо спросила, что Егор желает: рыбу или курицу? Поначалу он решил отказаться от еды вообще, поскольку есть при посторонних не любил, но потом, вспомнив, что даже кофе не успел выпить перед отлетом, взял рыбу и томатный сок, улыбнувшись своей фирменной дежурной улыбкой.

Он всегда старался улыбаться. Пустяк вроде, а людям приятно.

Верный друг Димка, к примеру, в последнее время важничал и людям, обслуживающим его, никогда не улыбался. Он считал, что заносчивое лицо придает ему значимости...

Самолет пошел на посадку как-то излишне быстро.

Егор сунул в рот леденец и начал перекачивать его во рту. Летать он не боялся, но моменты взлета и посадки переносил мучительно. Он даже место всегда просил у прохода, подальше от иллюминатора, чтобы не глянуть нечаянно вниз, на внезапно уменьшавшуюся землю.

Вроде обошлось.

Гигантская птица, набитая блохами-пассажирами, коснулась лапами земли и остановилась.

«Блохи» традиционно заплодировали.

В аэропорту пахло как-то по-особому.

Вокзалов Егор не любил, а вот аэропорт – совсем другое дело.

Даже на самом чистом вокзале всегда несло немытыми сортирами, тяжелой мазутной вонью и несвежим бельем. На перроне сновали продавцы мороженого и квелых пирожков, привычно протягивали руки бомжи, косившиеся на мир мутными глазами.

В аэропорту пахло иначе: чистотой, неспешностью, скверным кофе из автоматов и чем-то незримым. Егор подумал, что так пахнут большие расстояния. В кондиционированном пространстве было прохладно, и он снова надел снятый в самолете пиджак, привычно проверил внутренний карман, где лежали кошелек и паспорт.

На паспортном контроле, обслуживавшем ВИПов, на Егора посмотрели без особого интереса. Подумаешь, какой-то Черский! Окажись тут великий Теодор Алмазов, можно было бы паяльничать, надеясь, что тот выкинет очередную глупость, а потом станет каяться на всю страну. У него это хорошо получается, особенно под Новый год. Ну а поскольку на дворе лето, надеяться на сезонное обострение не приходится...

Алина, облаченная в красный костюм, стояла в толпе встречающих и даже держала в руках какую-то табличку. Издалека ее рыжие волосы пламенели, как флаг. Егора она увидела моментально, расплылась в улыбке и, подняв кверху вставленный в мультифору лист бумаги, совершила ряд странных телодвижений, напоминавших ритуальный танец. Егор попытался разглядеть, что написано на плакатике, но прозрачная пленка то и дело ловила блики от ламп, что крайне затрудняло обзор. Издалека казалось, что написано довольно много, и вроде бы губной помадой.

– Привет! – воскликнула она и сразу полезла целоваться.

Егор не препятствовал, но краем глаза видел: кто-то уже достает мобильные и нацеливает на них хищные глаза камер.

– Привет, – прошептал он в промежутке между двумя вздохами. – Скучала?

Алина оторвалась от него и кивнула:

– Скучала. Пойдем отсюда, а то попадем в светскую хронику.

– Ну и что?

– Ничего. Пойдем.

Она потащила его прочь, а он все старался разобрать, что написано на ее бумажке-«встречалке».

– Ты меня сразу увидел? – спросила Алина.

– Да.

– Значит, я правильно оделась.

– Еще бы. Издалека ты напоминала огнетушитель. Что у тебя там такое? – не выдержал он и отобрал лист бумаги.

На нем (действительно красной помадой!) корявыми буквами было выведено: «Гоша, он же Гога, он же Юра». «Юра» в строчку уже не умещался, поэтому слово безжалостно загнули книзу, а от соприкосновения с пальцами буква «а» размазалась, оставив на пленке красное пятно. Егор рассмеялся.

– Я знала, что тебе понравится, – удовлетворенно сказала Алина и вновь прищурилась. – Как Киев? Изменял мне с гарными хохлушками?

Егор скривился и показал ей двумя пальцами – указательным и большим крохотное пространство.

– Чуть-чуть.

– А, ну чуть-чуть еще ладно, это я переживу, – вздохнула она.

На улице они какое-то время шли в обнимку, но вокруг торопились, толкались и все норовили пролезть между ними люди. Идти было неудобно, к тому же Егор катил за собой чемодан, о который постоянно спотыкались спешащие по перрону. А до стоянки надо было еще добраться.

– Мы домой или куда? – спросила Алина.

Егор пожал плечами:

– Домой, наверное. Уже два. Пока доедем, будет четыре часа, а то и пять, если с пробками. Какой смысл на работу ехать?

– Никакого. Мобильный включи.

– Что?

– У тебя мобильный выключен. Я два раза звонила.

– А, да, я забыл его включить после посадки. Хорошо, что ты тут. Кстати, на чем ты приехала? На букашке своей, поди?

– Ну да. А на чем еще? На твоей я ездить боюсь.

– Тю, шарман, – фыркнул Егор.

После поездки в Киев он все время тюкал и гэкал, что в его исполнении выглядело невероятно фальшиво и совершенно не шло к его образу. Он об этом знал, но почему-то не переставал дурачиться.

Алина ездила на «Ниссан-микра», упорно отказываясь сменить машинку на что-то более просторное. Пристраивать эту крошку на стоянках было куда удобнее, чем здоровенный танк Егора, сменившего «Инфинити» на «Лексус». Лавировать на юрком «Ниссане» по московским улочкам тоже было куда удобнее. Машину Алина купила сама, откладывая кровные с зарплаты, чем страшно гордилась.

В нагретом салоне Егор первым делом торопливо поцеловал ее куда-то в шею, а потом, бурча что-то нечленораздельное, включил телефон, который начал истерично пиликать, принимая СМС-сообщения. Егор читал и гневно сопел.

– Что-то серьезное?

Он не ответил, скривился и начал набирать чей-то номер, злобно тыкая пальцами в сенсорный экран. Голос тем не менее звучал ровно.

– Рая, здравствуй. В чем дело?

В трубке забубнили, запричитали. До Алины донесся визгливый голос помощницы Егора. Судя по воплям, в Останкино произошла вселенская катастрофа. Егор слушал, слегка отставив трубку от уха, морщился, потом перегнулся через спинку и полез в валявшийся на заднем сиденье чемодан.

– Так они от нас-то чего хотят? – невнятно спросил он, вися головой вниз.

Алина с удовольствием хлопнула его по выпяченной заднице. Он охнул, стукнулся головой о потолок и, вытянув из чемодана охапку листов, уселся обратно.

– Нет, нет, это исключено. В передаче заявлены оба: и Белов, и Мишель. Время на песню только одно, и это однозначно будет Димка, у него все оплачено.

Трубка запричитала.

– Рая, хоть Адамян, хоть Господь Бог. Эфир не резиновый. Ты чего мне звонишь? В первый раз замужем, что ли? Приеду – поувольняю всех на фиг!

Трубка завывала.

Судя по всему, угроза Егора пропала зря.

– Рая, завтра! Все завтра. Будут звонить, отправляй ко мне... Хотя нет, не отправляй. Я не прилетел, не звоню и не пишу. Все, финита!

Отключившись, Егор снова засопел, как встревоженный еж, и сунул пальцы в рот.

– Не грызи ногти, – скомандовала Алина. Он послушался, но головы не повернул. – Что там случилось?

– А, ерунда, – раздраженно сообщил Егор после паузы. – Все как всегда. Драка за эфирное время. Завтра в паре с Димасом на шоу выходит «великая певица» Мишель.

– Это которая с Димкой сто лет назад хату снимала? Марина, кажется?

– Да. А песня в финале одна. Райке позвонил продюсер Маринки и потребовал, чтобы в финале пела Мишель, мол, с главным все согласовано. Главный ни ухом ни рылом, но вопит, что Адамяну отказать нельзя, снимай Белова. Получается, с Адамяном ссориться нельзя, а с Инной можно? А как Димку снять, если у него все оплачено загодя?

– Никак, – подсказала Алина.

– Вот именно, что никак. Да и не буду я другу отказывать из-за этой козы. Главное, с Инной не смогли договориться, так давай на меня бочку катить.

Бывшая мачеха Егора, Инна Боталова, после развода стала продюсером Димы Белова, с которым Егор дружил несколько лет. Несмотря на безобидную внешность гламурной нимфы, Инна оказалась женщиной деловой, жесткой в действиях. Димка, попавший в свое время в самую настоящую кабалу, теперь мог вздохнуть спокойно. Егор же с экс-мачехой сохранил вполне мирные отношения.

– Думаешь, он уже ей звонил? – спросила Алина.

– Судя по матерным СМС, Инна убеждена, что мы за ее спиной уже договорились. И этот кулацкий подпевала тоже истерит.

– Димка, что ли?

– Ну а кто еще? Надо позвонить, а то лопнет от натуги.

– Пошли их всех, – отмахнулась Алина. – Ты же не собираешься график менять?

– Нет.

– Ну и прекрасно. Завтра позвонишь или вечером. Ты, поди, есть хочешь?

– Хочу. И спать хочу. Дома жратва какая-нибудь в наличии имеется?

– Обижаете, начальник, – рассмеялась Алина и нажала на газ.

То, что получилось дальше, имело какое-то неопределенное название: обед не обед, ужин не ужин.

Время, когда они добрались до дома, с натяжкой можно было назвать обеденным, хотя в чопорной и консервативной Англии через час уже бы и чай подали. В России же, да еще с таким ненормальным ритмом, половина пятого было еще белым днем, если пробки учесть.

Алина сразу пошла на кухню, а Егор, как попало бросив чемодан, направился в ванную, с наслаждением смывая с себя пот и смог московских магистралей. Вода лилась на лицо и на вкус казалась чистой амброзией.

Он выключил воду, вытер волосы и провел ладонью по подбородку: бриться или нет? С кухни доносилось бречание и на удивление немзыкальный бубнеж. Кажется, Алина подпевала телевизору.

– Алина, – заорал он сквозь дверь, – где мой халат?

– Что?

– Говорю, халат мой где?

Послышались быстрые шаги. Алина распахнула дверь, внимательно разглядела голого Егора и хмыкнула.

– Зачем тебе халат? Так иди.

И мягко поскребла ногтями по его животу. Он дернулся, слегка согнувшись пополам:

– Ай, щекотно.

– Терпи. Ты же солдат.

Он все-таки вырвался из ванной, потому что мысли уже обрели неприличную вольность, устремляясь не к кухне, где изумительно пахло жареным мясом, а в сторону спальни, с ее большой кроватью. Сбежав в комнату, он вытащил из шкафа трусы и майку, вытянул за штанину спортивные серые брюки и вышел к столу прилично одетым. На сковородке скворчала отбивная, на столе, между салатом и сыром, стояла бутылка вина. Егор округлил глаза.

– У нас что, романтический ужин?

– Почему романтический? – невозмутимо отбила она подачу. – Просто ужин. Да и какой ужин, рано еще. Садись, сейчас готово будет. Открой вино пока.

Егор ловко выдернул пробку, разлил вино по бокалам и, торопливо чокнувшись, выпил. Алина пригубила свое и уставилась на него во все глаза.

– Что? – не выдержал он.

Она покачала головой:

– Чего ты его как бормотуху жажнул?

Он покрутил бокал в руке и посмотрел недоуменно:

– А что?

Алина вздохнула и, взяв бутылку в руки, повернула ее к нему этикеткой, где на белом фоне золотом были выведены латинские буквы, а еще нарисован лев, сидящий на башне, напоминавшей шахматную ладью.

– Это «Шато Латур». Между прочим, аж двухтысячного года. Хотелось чего-то личного сегодня.

Егор взял бутылку, покрутил ее в руке и сказал:

– И что? Ну, «Шато Латур». И что?

– «Вы не романтик, Василий», – пропела Алина голосом нестареющей киношной примы и отвернулась к плите.

От сковороды с двумя кусками мяса шел мощный дух, от которого просто скулы сводило. Егор заглядывал через плечо Алины и мешал.

– Да сядь уже, – скомандовала она.

Он сел, потом вскочил и куда-то унесся. В прихожей загрохотало. Егор вскрикнул вполголоса, Алина не расслышала.

– Чего ты там?

– Ничего. Споткнулся.

– А убежал чего?

Он не ответил. Спустя мгновение вошел с каким-то свертком в руках и, не глядя, сунул Алине. В приятно шуршащем целлофане было что-то белое, с яркими пятнами веселенькой расцветки.

– Это что?

Егор не ответил, разрезал мясо и моментально набил им рот, а на Алину махнул вилкой, мол, сама смотри. Она открыла пакет и вытащила что-то вроде блузки, расшитой цветами.

– Что это? – спросила она тихо.

– Вы-фы-фа-фа, – ответил Егор с набитым ртом и задышал часто-часто, проглатывая бушующий наперченный огонь. – Фе-фе. Фа-фа-фок.

– Мне? Подарок? Ах, фафафок! – обрадовалась Алина писклявым голосом.

Егор загоготал, подавился, закашлялся, схватил бутылку и налил вина. Алина развернула блузку и внимательно рассмотрела.

Льняная ткань была приятной на ощупь, а из вышитых гладью красных цветов на вороте и рукавах складывался эффектный узор. Не в силах сдерживаться, Алина унеслась в спальню, встала перед зеркалом и примерила обнову.

Украинская вышиванка пришлась почти впору, надо было лишь ушить в плечах, хорошенько прогладить и... Конечно, на работу в таком виде не пойдешь, но для душевной Москвы с ее раскаленными улицами обновка была в самый раз. Китч, конечно, но столицу ничем подобным не удивить. А с какими-нибудь аксессуарами можно вообще превратить вышиванку в хит сезона. Правда, с ее пламенно-рыжими волосами на задорную хохлушку она все равно не походит, но это скорее плюс, а не минус...

...А говорила, что не романтик.

Она еще немного покрутилась перед зеркалом, оглядев себя со всех сторон, даже спиной встала и долго вытягивала голову через плечо – как там сзади смотрится? Тыл оказался вполне ничего, а с фронта – так и вовсе очень красиво. Довольная собой, она сдула рыжую челку со лба и двинулась к дверям, налетев на Егора.

– Красота? – весело спросила Алина.

Он оглядел ее с ног до головы:

– Угу. Гламур и вытребенки.

– Какой тут гламур... – Она чмокнула его в щеку, отчего в глазах Егора закружились, закачались темные омуты, опасно вскипая волнами. – Спасибо! Очень красиво. Надо только погладить.

– Ну, иди сюда, я поглажу, – вкрадчиво сказал он.

Голос у него был как у кота, с такими знакомыми урчащими нотами...

Она давно научилась ловить эти его настроения и без колебаний повернулась и сделала один маленький шаг вперед. Его ладони забрались под подаренную вышиванку и прошлись по спине так, что ее телу моментально стало жарко, а потом скользнули ниже, стиснув попку, прижимая к себе. Она запрокинула голову и закрыла глаза. Хотелось что-то сказать, но Егор начал ее целовать, медленно, но уверенно подталкивая к кровати, неприлично широкой, с целыми восьмью подушками. Скоро отступить стало некуда, и они повалились на кровать. Вышиванка улетела в сторону, следом отправилась юбка. Егор одной рукой ласкал ее грудь, а второй старался освободиться от штанов.

– Я же сказала тебе – не одевайся, – прошептала она в паузе между поцелуями.

Он рассмеялся, стащил с себя трусы и бросил их на пол.

Потом он прижался к ее спине, обнял, а она поглаживала его руку, слишком усталая, чтобы шевелиться.

– А давай поженимся, – вдруг сказал Егор.

Ее рука на миг замерла, а тело мимолетно напряглось.

– Ты мне предложение делаешь?

– А что? Это неромантично? Могу на колени встать и руки протянуть, как на картинках. Только кольцо я не купил, извини. Хочешь, завтра куплю?

Алина повернулась к нему и погладила по щеке. Да, действительно, не романтик. Кто же так делает предложения?!

А как надо?

Она внимательно поглядела в его серьезные глаза, черные, с поволокой затихающей страсти, и подумала, что принимать таким, какой он есть, – в какой-то степени самопожертвование. Раньше, когда была помоложе, ей хотелось знаков внимания, якобы подтверждающих чувства: цветов, шоколада, плюшевых зайцев. Став взрослее, она поняла: все это такая ерунда. Приятно, конечно, но...

Папа рассказывал, что, когда он встречался с мамой, цветов было не достать, и однажды на Восьмое марта он нес ей три гвоздички и очень переживал, что в метро одну сломали. Сейчас цветов было сколько угодно, и ухажеров, готовых их дарить, хватало. А Егор вот купил вышиванку, угадав с размером, хотя был в Украине по делам и на беготню по магазинам не было времени.

Не романтик, кольца не купил.

А замуж позвал...

Цветы и зайцы – ерунда. Современные телешоу опошлили подобные подарки.

«...Выйди ко мне на Лобное место, и я подарю тебе букетик роз».

«Подари мне букетик роз, и я не зачеркну твоё фото...»

– Ты серьезно, что ли?

Он открыл рот, чтобы ответить, но где-то в комнате завопил мобильный. Егор недовольно поморщился:

– Серьезно, конечно. Давай завтра сходим куда-нибудь?

– Давай. А куда?

– Не знаю. В ресторан. Все равно куда. Вечером, после работы.

– У тебя телефон звонит.

– Да фиг с ним. Хочешь, в какое-нибудь романтическое место, а там я как бы невзначай подарю тебе кольцо. Ты сделаешь вид, что чертовски удивлена. Я встану на одно колено, а приглашенные подружки заахают и будут потом мыть нам кости...

Телефон замолчал, а через мгновение снова залился гневной трелью. Алина задумалась, а потом решительно кивнула:

– Хорошо, давай. Но только без приглашенных подруг.

Егор чмокнул ее в нос и убежал на кухню, откуда донесся его размеренный голос. Алина взяла подушку и прижала к животу, словно стремясь сохранить тепло. Что там говорили про бабочек в животе?..

Никаких бабочек она не ощущала. Только радость.

Егор вернулся через минуту, почему-то не слишком радостный. Он улегся рядом и, бросив телефон на кровать, произнес:

– Ресторан на завтра отменяется. Папенька пригласил нас на ужин.

– Не понимаю я твоих претензий, – холодно сказал Егор. – И решать, на ком жениться, буду я сам. Ты же этого хотел. Ведь так?

Александр Боталов вздохнул и сурово посмотрел на взбунтовавшегося сына. Насупленный Егор зло дергал уголок губ, правда, голоса пока не повысил, но от этого легче не становилось.

– Я о тебе, дураке, думаю, – раздосадованно сказал Боталов.

– Да ладно?!

Ужин в семейном гнезде явно не удался. Разговор не клеился: то у Егора, то у Алины, то у Боталова звонили телефоны, которые никто и не подумал отключить. Все нервно дергались, суетливо бурчали в трубки, иногда выходили в коридор. Едва за столом оставались двое, атмосфера автоматически накалялась, хотя вслух не произносили почти ничего и даже улыбались вполне великосветски. Серебряные приборы, свет изящных абажуров, отражавшихся в наборном паркете, и золоченые амбирные часы, отбивавшие каждые полчаса с размеренным хрипом, не могли благотворно повлиять на сидевших за столом.

Когда подали кофе, Егор окончательно убедился, что дело неладно. Алину отец принял прохладно, за столом не обращал на нее никакого внимания, отчего она нервничала. После ужина Боталов взял сигары и потащил сына на балкон курить, оставив Алину в одиночестве.

Вида с балкона не было никакого. Вечером отчетливо прорисовывались лишь крыши соседних особняков, наполовину скрытые четкими, словно вырезанными из бумаги силуэтами деревьев, да белоглазые фонари, расставленные по периметру. Вокруг них носилась разнообразная мошकारа, вообразившая, что встретила собственное солнце. По утрам, распивая кофе, Боталов часто видел, как дворник сгребает в кучу бабочек-однодневок, успевших за короткую ночь влюбиться, расплодиться и умереть.

– По-моему, ты не ради моего блага стараешься, – негромко сказал Егор.

Фраза прозвучала неожиданно. До этого они молча курили, стараясь не смотреть друг на друга.

– А ради чьего? Своего, что ли?

– Конечно. Династический брак и всякое такое...

– Какое такое?

– Такое. Только я женюсь на Алине. И вообще, чего ты так против нее взъелся? Да, она не та Караулова, чьим мужем ты меня видел, так и не лимитчица из Чириковки! Вон, принц Уильям тоже женился на простой девушке, и ничего, живут.

– У принца свой папа есть, – рассвирепел Боталов. – Не говоря уже о бабушке. А у меня сын один, и я должен думать, как он будет жить.

– Чего ты сейчас-то спохватился? – насмешливо спросил Егор. – Двадцать семь лет тебя не волновало, как я живу, а сейчас чего-то вдруг пробило на отцовскую заботу. Или куш жалко упускать?

Боталов зло засопел, но предпочел не отвечать.

Куш был действительно таким, что слюни бежали, как у голодного сенбернара. У красавицы Алины, девушки весьма достойной, но, увы, отнюдь не самой богатой, была двоюродная сестра. Нюточка Караулова, которая, напротив, красотой не блистала, да и по развитию до сих пор оставалась ребенком. Не будучи ни красивой, ни умной, пухленькая Нюточка, единственная дочь олигарха Юрия Караулова, была баснословно богата.

В глубине души Боталов сомневался, что ему удастся склонить сына к браку. После ужина сомнения трансформировались в уверенность.

Егор давно жил самостоятельно, зарабатывал приличные деньги и в отцовской поддержке не нуждался. Иногда, глядя на независимого сына, Боталов старался вспомнить: каким он был в детстве? Но ничего не получалось.

Егор был совсем маленьким, когда Александр Боталов развелся со своей первой женой – Викторией Черской. Последний их разговор состоялся в тесной кухоньке, где два человека свистящим шепотом бросали друг другу в лицо гадости, не заботясь о том, как больно ранят слова. Они прошипели друг на друга всю ночь и даже часть утра, а потом пошли на работу, одевшись молча, словно рядом не было ни души.

И только воздух, сухой, выжженный ненавистью, горел и плавился так, что его даже вдыхать было больно.

Днем они встретились в суде, где судья в бордовой мантии развела их.

Егор сидел в коридоре вместе с бабушкой, катал по скамейке машинку. Когда вылетевшая из зала Виктория схватила его за руку и потащила к дверям, Егор уронил машинку и потянул мать назад, но она не видела упавшую игрушку и все волокла его. Александр подобрал игрушку, догнал сына и сунул ее ему в руку. Егор улыбнулся и бросил машинку на пол – так ему понравилось, что отец ее поднимает. Александр снова подобрал машинку, а Егор, едва взяв в руки, снова бросил. Виктория наблюдала за этой сценой со странной гримасой: то ли ненависти, то ли презрения, и все дергала уголком рта, совсем как ее сын через двадцать с лишним лет...

Воспоминания о прошлом браке были гадкими, как жаба. Боталов тряхнул головой и торопливо сунул в рот сигару.

Нельзя думать о том, что случилось позже, через двадцать с лишним лет, когда Виктория потребовала возвращения блудного сына в родной Новосибирск.

Лучше смириться с этим скороспелым браком сына, чем вспоминать подробности смерти его матери. В голову услужливо полезли неприятные ассоциации: полупрозрачная бабочка, оголтело носящаяся вокруг фальшивого солнца, ведомая ей одной понятной целью...

Все-таки сын очень похож на Викторину, подумал Боталов с покорной обреченностью. Не внешне, нет. Тут, скорее, победили отцовские гены. Внутренний стержень был от Виктории – с ее ледяной холодностью, колючим презрением и вспышками ярости, уничтожающей все живое.

Или ярость – это отцовское?..

– И все-таки зря ты, – вяло предпринял он последнюю попытку. – Чем тебе Нюточка не невеста? Тем более с таким приданым.

Попытка была так себе, и Егор это моментально прочувствовал.

– Кому и кобыла невеста, – весело заявил он. – А жениться на этом бомбовозе, чтобы доставить тебе удовольствие, я не собираюсь.

Сравнение Нюточки с бомбовозом показалось Боталову забавным. Он фыркнул, повертел в руках сигару и сломал ее в пепельнице.

– Ладно, – махнул он рукой. – Женись на ком хочешь. Все равно тебя не переубедить.

В ночном клубе «Пурга» дым стоял коромыслом.

Селебрити все прибывали и прибывали, проходя по длинному коридору, уворачивались от нацеленных в голову камер либо, напротив, храбро бросались на них, как героический солдат на амбразуру. В лучах фонарей лица звезд получались одутловатыми, мертвенно-бледными и совершенно непривлекательными. Усталые журналисты с неумолимой жестокостью совали микрофоны в лица медиаперсон, норовя стукнуть по носу или зубам. Артисты щурились, таращили глаза от неожиданности, на радость караулившим тут же фотографам. Потом в желтых газетах появлялись ужасные снимки с не менее ужасными подписями: «Звезда сериала «Луч света» явилась на показ в стельку пьяной!» А рядом перекошенное лицо несчастной звезды, которую только что шибанули по голове микрофоном. И поди потом доказывай, что таращился от боли, а не с перепою...

Впрочем, далеко не все звезды стремились что-то доказать.

Пишут – и ладно.

Неважно – что, лишь бы писали, пусть даже гадости!

Это двадцать лет назад состав эстрады был монолитно-неизменен, особенно если артиста любила партия. А сейчас партий много, артистов – еще больше, и все зубастые, как южно-американская рыба пиранья, ам! – и нет конкурента. Выпадешь из обоймы, перейдешь в категорию сбитых летчиков, и куда потом? Сперва на телевидение – комментировать унылые сюжеты реалити-шоу, а потом и вовсе – в забвение. Вон, к примеру, Влад Голицын: уж на что был звезда, а прошло всего два года, и его уже не помнят, восхищаясь новым кумиром – Димой Беловым.

Белов на тусовку явился при полном параде. Он был настолько великолепен, что журналисты дружно шагнули к длинной ленте, отгораживающей их от звезд, по-гусиному вытянули шеи и оскалились микрофонами, протягивая их на недозволенную длину.

Глядя, как Димка улыбается в камеры и отвечает на дурацкие вопросы, Егор поморщился.

Он притащил Алину в «Пургу» в качестве компенсации за загубленный вечер. Алина упиралась, закатывала глаза и уверяла, что на сегодня ей уже хватит впечатлений, но Егор, загадочно улыбаясь, настоял на своем.

Алина долго смотрела на Егора оценивающим взглядом, а потом согласилась с формулировкой «чтоб прическа не пропадала».

В «Пургу» они заявили в «детское» время, когда вечеринка только раскачивалась, а самые важные и именитые еще не подъехали к входу в своих золоченых каретах. Скучавшие журналисты приободрились и бросились наперерез.

– Егор, представьте вашу спутницу! – заорал самый ретивый и замахал микрофоном перед лицом.

Егор ловко отмахнулся, подавив желание дать репортеру в зубы.

– Чего ты так зажался? – спросила Алина. – Ну, представил бы меня как-нибудь, делов-то.

– Не хочу я представлять тебя «как-нибудь», – криво улыбнулся Егор, сунул руку в карман и вытащил трепыхающийся телефон. – Димка звонит, приехал, наверное...

– Ну, представь не как-нибудь, – согласилась Алина, на всякий случай затаив дыхание.

– «Не как-нибудь» рано... Алло? Ты где?..

Пока он говорил с Димкой, Алина размышляла, что значат его слова, учитывая, что вчера он сделал ей предложение.

Весь день Егор пропадал на работе, потом заехал за ней, и они отправились на ужасный ужин к его папаше.

Там, за столом, Егор совершенно спокойным, даже несколько тусклым голосом объявил отцу, что намерен жениться. Взгляд, которым Боталов наградил Алину, был убийственным, но она выдержала. А после их долгого диалога на балконе Боталов вернулся присмирившим. Она же продолжала бояться и боялась до тех пор, пока за ними не захлопнулась дверь.

Только тогда Алина выдохнула полной грудью.

Казалось, она должна была давно привыкнуть.

Вращаясь в той же самой среде, она не раз получала вполне серьезные предложения руки и сердца. Но все претенденты были либо состоявшимися мужичками неопределенного возраста с миллионом в кубышке, лысиной и пивным брюшком, либо инфантильными сыновьями менее удачливых бизнесменов, желающих влиться в отягощенное миллиардами семейство Карауловых. То, что Алина была не дочкой, а всего лишь племянницей, наверное, самого богатого человека страны, никого не волновало. Авось дядюшка не жмот, родню в бедности не оставит! Получая предложение от очередного сопящего отрока славной фамилии, с ноздрями, запорошенными кокаином, Алина вспоминала незабвенную тетюшку Чарли из Бразилии, где в лесах много-много диких обезьян: «Нет-нет, я ему не верю. Он любит не меня, а мои миллионы!»

Алина храбро думала, что готова ко всему.

Упорно делая карьеру, она старалась не обращать внимания на снисходительные взгляды дядюшки, который своего брата – тютю и размазню – слегка презирал. Она смирилась с тем, что никогда не получит и десятой доли того, что имела ее сестра Нюточка, – вполне, кстати, неплохая девочка, разве что дуреха. В конце концов, у Алины была вполне обеспеченная стабильная жизнь, квартира, карьера...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.